

Элиан Тарс

ХОЗЯИН
ВОСЬМИ МОРЕЙ

Элиан Тарс

Хозяин восьми морей.

Перерождение Артефактора

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69876316

Аннотация

А-А-А-А-А!!! Грязный предатель отравил меня!!! Тысяча медуз ему в портки – убил, лишил мечты и забрал мой корабль! Вот только он не учел, что я смогу сделать невозможное и переродиться! После смерти я осознал себя в другом теле, но на родном острове. Мне здесь все знакомо! А значит я вновь пройду своим путем! Я соберу команду сильнее прежней, отомщу и верну утраченное! А пока... Пока Легендарный капитан, покоривший все моря Ойкумены, берет рюкзак и идет в Морскую Академию.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	60
Глава 6	74
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Элиан Тарс Хозяин восьми морей. Перерождение Артефактора

Глава 1

«Я и правда переродился! Очуметь!» – такой была моя первая мысль.

«Прохладно» – мысль вторая.

А затем я понял, что кто-то держит меня за руку:

«Тепло...»

Я попытался разлепить тяжёлые веки.

– Тайон... – услышал я нежный голос, звучавший будто бы издалека.

Через маленькую щёлку полуприкрытых век я увидел девушку с раскосыми глазами и тёмно-русыми локонами. Кажется, она не заметила, что я очнулся. Она выглядела расстроенной.

– Здесь нарушительница! – закричал грозный мужской голос.

– Быстрее! В главный зал!!!

– Эй, полукровка, подними руки!!!

Оглушительно завывала сирена.

Девушка отпрыгнула назад, будто кошка, на которую плеснули помоями. Она пропала из моего поля зрения, я попытался встать, но тело отказалось слушаться.

Сумчатый мегалодон мне в бухту! Какого дьявола вообще происходит?!

Какой бы частью тела я ни пытался пошевелить – ничего не выходило. А до моего слуха доносились приглушённые выстрелы и крики.

– Я вернусь за тобой, Тайон! – в поднявшейся неразберихе я каким-то чудом смог вычленить слова девушки.

Лишь когда сирена умолкла, а возня стихла, я осознал, что говорила она на наречии алти.

Ар-р-р!!! Что за имя такое, «Тайон»? И где я вообще нахожусь?!

Совсем рядом загрохотало. Я с удивлением осознал, что только что ударил кулаком подле себя. Отлично! Тело начинает слушаться...

Хм, а тело-то ощущается как-то по-другому. И...

Ну-ка, ну-ка...

Как такое может быть? Я отчётливо ощущаю структурные вибрации материи! Как будто на мне есть листовая пластина лаванды-виброскопа! Но характерного запаха не чувствую. Нет, у меня точно сейчас нет с собой никаких листовых пластин или других артефактов.

С трудом приподняв голову, я оглядел себя, краем сознания отметив, что зрение стало острее.

Увиденное меня ошеломило!

Мда, я абсолютно голый лежу в каком-то стеклянном саркофаге, и только моя левая кисть через аккуратное отверстие выглядывает наружу.

— *За двадцать пять шиллингов вы можете прикоснуться к кисти этого Солнцеголового Алти, — где-то на задворках памяти начали всплывать обрывки воспоминаний. Говорил незнакомец: — Вы можете убедиться, что он живой, и что на ощупь мало отличается от обычного человека. А ещё, поговаривают, прикосновение к нему дарит господам неиссякаемую мужскую силу, а дамам продлевает молодость и озаряет дни новыми красками!*

Что за дьявольщина лезет мне в голову?

Я ещё раз огляделся.

Да, я находился в прозрачном стеклянном саркофаге, который стоял посреди огромного зала с высоченными сводчатыми потолками, витражными окнами, мраморным полом и колоннами. Владелец этого места явно небедный человек...

А что это за место-то такое?

Святая Дева под Килем, неужели я в музее!..

— *Дамы и господа, напоминаем, что после восьми часов вечера вы можете лицезреть Солнцеголового Алти во всей красе, — вещала женщина-экскурсовод в моих размытых воспоминаниях. — Смею заметить, такого вы ещё никогда в*

*жизни не видели. Вход только для взрослых! **такого**— Смею заметить, такого вы ещё никогда в жизни не видели. Вход только для взрослых!*

А дальше в памяти начали всплывать образы людей: родных матрон, внимательно оглядывающих меня опытным взглядом и одобрительно хмыкающих; юных дев, лишь недавно достигших совершеннолетия, стыдливо прикрывающих ротки распахнутыми веерами; или вон – тощий художник в круглых очках, с невозмутимым видом пишущий портрет с моей обнажённой натуры...

Тысяча акул! Кажется, я понял – на этой выставке я главный экспонат!

Экспонат, которому до восьми вечера прикрывают киль куском шерстяной ткани, а после демонстрируют всем желающим всю мощь кулеврин викторианского флота.

Нет, ну что за бесцеремонность?! Ещё и платят за сие удовольствие в чужой карман!

Пора сворачивать эту лавочку!

Пока мысли танцевали джигу в моей голове, я пытался расшевелить тело. Мне удалось достать левую руку из отверстия, втянув её внутрь саркофага.

Я внимательно «прислушался» к окружающим меня структурным вибрациям и теперь мог точно сказать, что крышка саркофага – артефактоподобный предмет. Не артефакт, но наделён особыми свойствами. Стекло крепкое, и разбить его снаружи очень трудно.

Но структурный контур замыкается изнутри. Перед мастером-артефактором явно не стояло задачи создать предмет высшей прочности.

Хиленький контур, а узел замыкания и вовсе рябит, как вода на ветру.

Я приложил ладонь к узлу. Мда... моя нынешняя рука заметно больше прошлой. Но главное, я на сто процентов уверен, что смогу пустить через неё вибрацию, чтобы уничтожить узел.

Но такое невозможно для людей! Человеческое тело способно ощутить или выпустить крайне слабые вибрации и без усиливающих артефактов они ни на что повлиять не могут.

Моя кисть дёрнулась, потеплела, и стекло начало дрожать.

Спустя пару секунд дрожь прекратилась, и как будто ничего не изменилось. Если не считать, что защитный контур был разрушен.

Я только что совершил невозможное.

Я крут и крышесносен, как утреннее похмелье после грога с острова Дур.

Уперевшись обеими ладонями в стекло, я с радостью осознал, что могу его поднять. К постаменту оно как раз и крепилось защитным контуром.

Я вылез из саркофага, опустив крышку на мраморный пол.

Пошатываясь, сделал несколько шагов.

Других живых людей в зале я не увидел и решил пойти по

ближнему ко мне проходу.

Проходя мимо косматого чучела первобытного человека, я сорвал с него меховую набедренную повязку и повязал вокруг пояса, чтобы не пугать обывателей своей кулевриной. Затем с чувством выполненного долга двинулся дальше по коридору.

Меня слегка штормило.

Лавируя между чучелами животных, я услышал впереди голоса людей. На автомате я быстро нырнул влево и притаился рядом с громадным скалящимся двуххвостым волком Четвёртого сумеречного моря.

Не прошло и минуты, как коридор озарил яркий свет фонарей.

– Пошевеливайся! Если у неё были сообщники и они похитят Солнцеголового, мы с вами без работы останемся! – крикнул один из охранников.

Я увидел трёх мужчин в тёмных камзолах. Внешность их была самая обычная – смуглая кожа, тёмные волосы. Разве что у одного поблёскивала кровью свежая рана на щеке, а у другого был оторван рукав камзола. Очевидно, та нарушительница навешала им по первое число.

Все трое были вооружены самыми обычными импульсными ружьями. На поясах висели сабли, у двоих имелись пистолы. Холодное оружие донельзя простое – металлическое. Ну а стрелковое, без сомненья, артефактное – иное мало кто использует.

– Нам придётся худо, если у неё были сообщники, – проворчал другой мужчина, когда все трое проходили мимо меня. – Из-за этой стервы Ливая в больницу увезли, а она одна была! А если этих морских чертей будет больше?!

– Заткнись и смотри в оба! Я не хочу потерять это место! В вонючий рыбный цех я не вернусь! – воскликнул мужик с обожжённой щекой и резко развернулся, сунув фонарь в лицо напарнику.

Я оказался на границе ореола света. Дьявол! Если он переведёт взгляд, то заметит меня!

Инстинкты сработали молниеносно. Я плавно перетёк назад, перемещая тело за двуххвостого волка...

Неожиданно рядом что-то хрустнуло!

Осьминожки щупальца... Да это же мои колени хрустят! Ар-р-р!!! Нужно было лучше разминаться!!!

– Кто здесь?! – тут же выкрикнул обожжённый, направляя дуло ружья в мою сторону.

Недолго думая, я врезался плечом в громадное чучело двуххвостого волка и повалил его на охранников. Поправочка: после столкновения с мраморным полом волк стал однохвостым.

Охранники засуетились, отступая. Никого из них, увы, волк погрести под собой не смог.

Схватив отвалившийся волчий хвост, по весу и форме не уступавший добротной дубине, я зарядил по роже ближайшему мужику. Тот покачнулся и обмяк. Я же, не останавли-

ливаясь, врезал хвостом по ружью другому. Гроыхнул выстрел, и энергетический сгусток, напоминающий шаровую молнию, врезался в потолок. Наши головы осыпала каменная крошка.

Я выхватил пистоль из-за пояса охранника.

Громкий щелчок дал понять моим противникам, что я в курсе, как снимать оружие с предохранителя.

Сгибом локтя придавив шею охранника, я упёр дуло пистоля ему в висок.

Третий охранник, тот, что не хотел в рыбный цех, напряжённо смотрел на нас, держа на мушке. По его глазам я видел, что он не осмелится стрелять, пока у меня живой щит.

Ну а я...

Я оказался медлительнее, чем хотелось. Мне бы ещё часочек жаркой разминки! А так...

Ситуация патовая.

Будь мы врагами, было бы проще. Но калечить этих неумех, всё равно что обижать детей. Они бы с такими навыками даже морскую Академию не закончили. Даже туда не поступили бы.

– Положи, оружие! Отпусти его! – нервно дёрнув ружьём, выкрикнул обожжённый.

Я уж открыл было рот, чтобы ответить, но...

– Во имя Святой Девы под Килем, что вы здесь творите! – эхом пронёсся по коридору взволнованный мужской голос. – Боец Штэгер, не смейте тыкать импульсным ружьём в мой

ценнейший экспонат!

К нам быстрой походкой приближался немолодой мужчина с аккуратно зачёсанными к затылку седеющими волосами. Сюртук в бордовую клетку и атласный алый шарф (никогда таких раньше не видел), навёл меня на мысль, что это модный богачей из тех, чьи руки никогда не знали никакой чёрной работы.

Подойдя к нам, он брезгливо отвёл рукой дуло ружья Штэгера и начал меня внимательно осматривать, пытаясь заглянуть за мой живой щит.

Наши взгляды пересеклись. Незнакомец улыбнулся, отступил на полшага и приложил обе руки к поясу. Затем плавно провёл ими вверх, через живот и грудь, а после выставил вперёд, разводя в стороны, будто бы приглашая к объятьям.

Хм, идеальное исполнение. Именно этот жест используют алты, когда при знакомстве хотят продемонстрировать добрые намерения.

– Меня зовут Александр Лаграндж, – по слогам проговорил мужчина, демонстрируя чёткую артикуляцию и не сводя с меня глаз. – Я, – он указал на себя, – на твоей стороне. Ты понимаешь меня?

– Уа-а... – только и смог прохрипеть я. Тысяча акул, голосовые связки всё ещё не слушались.

Лаграндж озабоченно склонил голову набок.

– Понимаешь, да? – спросил он участливо.

Я кивнул с самым вдумчивым видом.

Лаграндж тут же просиял, радостно хлопнул в ладоши и завертел головой.

– Он понимает! Понимает! – выпалил старикан, обращаясь по очереди к Штэгеру и моему живому щиту.

Я ещё раз вдумчиво кивнул.

Лаграндж выдохнул, пытаюсь успокоиться, но тут же снова затараторил:

– Послушай, если ты в самом деле меня понимаешь, то отпусти бойца Ромеро и верни ему пистоль. Оружие очень опасно. А наставлять его на людей плохо.

Я хмыкнул и взглядом указал на Штэгера, всё ещё державшего ружьё на изготовку.

Лаграндж округлил глаза.

– Какой сообразительный мальчик! – воодушевлённо прошептал он. А затем обернувшись, твёрдо произнёс: – Боец Штэгер, забирайте Бойца Сержа и возвращайтесь в комнату охраны.

– Но, господин Лаграндж, этот алти очень опасен, и...

– Выполнять! – рявкнул Александр Лаграндж. – Или вы забыли, кто вам платит жалование?

– Есть, – понуро ответил Штэгер, поднимая с пола бесчувственное тело напарника.

Я проводил их взглядом. Боец Серж начал приходить в себя...

– Ну, теперь их нет, сынок, – ласково проговорил Лаграндж, вновь сконцентрировав на мне всё своё внима-

ние. – Ну же... Отпусти бойца Ромеро.

Повернув свой живой щит в сторону главного зала, я толкнул его в спину. Охранник сделал несколько шагов, удержав равновесие, и резко развернулся.

– Только без глупостей! – пророкотал Лаграндж, встав между мной и им. В руках Ромеро держал импульсное ружьё.

– Есть, – проворчал охранник, опуская ружьё. – А мой пистоль?

Лаграндж вновь взглянул на меня. Я же скорчил злую рожу и, ловко крутанув пистоль в руке, поставил его на предохранитель и одним движением убрал за «пояс» шкуры, прикрывавшей мою наготу.

– Неплохо, – хмыкнул Лаграндж. – Похоже, ты, сынок, знаешь об опасности оружия и без моих слов. Откуда только...

– Господин Лаграндж, мой пистоль?! – в голосе Ромеро звучала детская обида.

Александр Лаграндж усмехнулся и пожал плечами:

– Что в бою взято, то свято. Морской закон. В следующий раз будешь проворнее и не дашь себя разоружить.

Потеряв всякий интерес к нерадивому охраннику, Александр Лаграндж вновь повернулся ко мне и с неугасающим любопытством в очередной раз осмотрел меня от ступней до макушки.

– Поверить не могу, что ты пришёл в себя... Теперь оставлять тебя в музее совершенно негуманно! Пойдём со мной, –

он протянул мне руку. – Я покажу тебе свой дом. Дом? Ты ведь понимаешь, что это?

Я кивнул.

– Отлично! Теперь он станет и твоим домом. Ну же, идём, сынок.

Глава 2

Ехать в самоходной карете Лагранджа было сплошным удовольствием – хорошие рессоры сглаживали неровности мощёной дороги, а мягкий диванчик позволял телу расслабиться.

Я жадно смотрел в окно, надеясь понять, куда меня занесло.

Темноту ночи рассеивали немногочисленные фонари. Их было несколько меньше, чем я видел раньше, когда бывал в похожих городах. Ага, в основном дома четырёхэтажные из серого камня. Но такие дома – это основа современной городской архитектуры не только моей родины – Виктории, но и других трёх стран Ойкумены. Разница, как правило, лишь в цвете крыш.

Я видел красные крыши. И пару раз взгляд цеплялся за красные кителя прогуливающихся офицеров и красные бушлаты городских стражников.

Красный был цветом Виктории – страны, названной в честь некой легендарной королевы, правившей не пойми когда и не пойми где.

– Нравится, да? – тепло поинтересовался Лаграндж, сидевший рядом со мной на диванчике в салоне самоходной кареты. Двое охранников и кучер находились в головной кабине.

Я молча кивнул.

– Это называется город. А сам город называется Торвиль. Он расположен на острове Бун в Шестом сумеречном море.

Грудь будто сжали тисками. Сдавленно улыбнувшись, я кивнул.

Конечно, я уже начал догадываться, что я оказался именно в Торвиле. Но услышав подтверждение, что я очнулся на своём родном острове, почувствовал тягучую тоску.

Я отвернулся к окну.

Да, всё это мне знакомо... Пусть внешне немного изменилось, но всё ещё узнаваемо... Вон аптека, в которой я пополнял запасы лекарств, когда ещё лично занимался закупками для команды – у неё поменялась вывеска и буквы изменили начертание. А вон там рядом с ней пекарня, пару раз я заходил туда, хотя фамилия владельца на вывеске раньше была другой.

Город мой... но что-то изменилось. Да и сам я другой. Какого дьявола так вышло?!

И как будто отвечая на сформулированный вопрос, на меня обрушилась новая порция воспоминаний:

– Ты не против обсудить наши ближайшие планы за завтраком?

– Любишь же ты деловые завтраки, Бари, – усмехнулся я.

– Предпочитаю решать дела с утра. Очень полезный навык, знаешь ли, с таким-то капитаном.

– Да-да, понятно. Ладно, идём.

– Я велел накрыть стол в своей каюте.

Прислонившись лбом, покрывшимся испариной, к холодному стеклу, я прикрыл глаза и погрузился в то, что случилось давным-давно. Хотя одновременно мне казалось, будто прошло всего лишь пару часов...

* * *

– Как тебе эта керуанская тыквина? – спросил мужчина, сидящий напротив меня за столом. Довольно высокий мужчина, крепкий и мускулистый, с сильной залысиной на макушке, но с густыми чёрными бровями, остроконечной бородой и усами. Мой лучший друг, бессменный помощник и правая рука – Джекман Барбаросса.

Я отрезал кусок бордового плода и закинул в рот.

– Превосходно! Спасибо, что попросил подать. Думаю, скоро можно и парням дать попробовать. Наш кок отлично наловчился её готовить. Уверен, он никого не потравит.

– Да... приготовлено и правда отменно, – проговорил Джекман. За столом он всегда выглядел эдакой чопорной леди – спинка ровная, еду нарезает на крохотные кусочки, мизинчик оттопырен.

– Так о чём ты хотел поговорить, Бари? – прожевав очередной кусок, осведомился я.

– Хммм... – протянул он. – Ты величайший капитан из когда-либо живших, Леон. Единственный, кто открыл новые

острова во всех Семи сумеречных морях.

– Но не в восьмом, – усмехнулся я.

Джекман поморщился и мотнул головой:

– Восьмого моря не существует.

– То же самое говорили и о Седьмом, пока мы его не открыли. А ещё раньше о Шестом. До этого о Пятом... Мне продолжать, Бари? Не хмурься, мы обязательно найдём его, дружище! Не существует сумеречных вод, которые не может покорить моя Лудестия. Я знаю, что восьмое море существует, и отыскать его – моя судьба. Судьба ждёт меня! Там – за линией горизонта! За границей Сумрака! – патетично продекламировал я и вернулся к керуанской тыквине, фаршированной мясом косорылого кабана.

– Ты всегда был мечтателем, Леон. А не реалистом.

– В отличие от тебя, – я пожал плечами. – Возможно, именно поэтому мы вместе и смогли привести Лудестию в Седьмое море.

– Я говорил тебе, что твоя натура тебя убьёт. И оказался прав, – вздохнул он.

Его слова больно резанули по ушам.

А яд резанул по желудку.

– Умкх... – захрипел я, схватившись за живот. Я поднял изумлённый взгляд на Джекмана. Мне ведь показалось, да? Он... он ведь не мог?

Не показалось.

Бари стоял и торжествующе улыбался.

– Яд рыжей тропической лягушки надёжен, как скала. Надо же! Сработал с точностью до секунды, – усмехнулся он, бросив взгляд на настенные часы. – Но самое главное, его эффект очень похож на действие яда керуанской тыквины. Удивительное растение ты нашёл в Седьмом море. Кто-то умирает, съев его полусырым, а кто-то нет.

Я потянулся к целительскому артефакту, лежащему на столе. Когда пробуешь новое блюдо, всегда нужно держать этот небольшой тёмный брусок под рукой.

– Э, нет, Леон, – Бари перехватил брусочек. – Он ведь разрядился после недавней стычки с титосийцами.

Я захрипел и начал заваливаться на пол. Но с яростью собрав остатки сил, я схватил нож со стола и швырнуть его, метаясь в глаз предателю.

– Аркх!!! – захрипел Джекман, зажимая кровоточащее ухо.

Из-за чёртова яда я промахнулся.

Я рухнул на пол. Пришло осознание, что я не переживу этот день.

Я смотрел на своего бывшего лучшего друга. Он отвёл руку от раны, и...

Я засмеялся. Его ухо теперь напоминало раскрытый рот.

– Чего ржёшь? – выплюнул Джекман. – С ума сошёл? Хотя ты всегда был безумцем!

– Я лишь подумал... кха... что тебя вздёрнут на нок-рее... за предательство... Бари Голодное Ухо.

– Идиот! Полоумный дебил! Сдохни уже быстрее! Сдохни! Никто ничего не узнает. А если и узнает, то не посмеет и вякнуть! Лудестия будет моей!

– Ха-ха-ха... – я разразился странным сиплым смехом. – Представь, что... байки... алти... о перерождении... правда. Я приду... за тобой!

– Довольно бредить!

– Я приду за твоей головой! Теперь оглядывайся до самой смерти...

Мои глаза закрылись, я больше ничего не видел. Лишь моя рука на остатках воли подтянула мой верный капитанский компас к губам.

– Стоп... – почти неслышно прошептал я.

* * *

– АР-Р-Р-Р!!! – заревел я и яростно стукнул кулаком по дверце кареты. Теперь я всё вспомнил.

– Тише-тише, сынок! Что случилось?! – всполошился Александр Лаграндж. – Мы уже почти дома! Тебя напугали эти тёти? Не бойся их, это всего лишь кабаре!

В самом деле мы только что проехали одно злачное заведение, перед входом которого, завлекая клиентов, задирали ноги и махали подолами юбок две сочные дамочки.

Я покосился на них, и чтобы успокоить старикана, я показал ему большой палец.

– О... – протянул он. – Наш малыш знает толк в женских прелестях? Как-нибудь обязательно свожу тебя туда.

Я молча кивнул.

Мысли же вновь вернулись к моей смерти. Бари... Сука... Убил меня! Предал меня! Но что ещё хуже, увёл мой корабль! Да я его самолично повешу на реях Лудестии! Тварь! Как представляю, что он трогает сейчас своими грязными ручонками штурвал моей малютки...

– Убь... ю... – тихо прорычал я.

– Что ты сказал, сынок? – переспросил Лаграндж, а затем изумлённо округлил глаза. – Постой, ты не только понимаешь речь, но и сам умеешь говорить?

Я кивнул. Подумав секунду, я указал на горло и неопределённо повёл рукой.

Несколько секунд Лаграндж пялился на меня, а затем звучно хлопнул себя по лбу.

– Вот я дурак! Воды-то тебе не предложил! Ну ничего, мы уже подъезжаем.

Самоходная карета свернула с главной улицы в переулок, въехала в высокие ворота, и проехав метров пятьсот по подъездной дороге через ухоженный парк, остановилась перед крыльцом трёхэтажного особняка.

Ещё до полной остановки кареты Лаграндж распахнул дверь со своей стороны и взревел:

– Григорий! Три стакана тёплой воды! Срочно!

Мы уже поднимались по высоким мраморным ступеням

крыльца, когда перед нами остановился худосочный старик с моноклем и острой седой бородой. Одной рукой он держал серебряный поднос, на котором стояли три стакана.

– Пей, сынок! – заботливо проговорил Лаграндж.

И я выпил все три стакана воды до дна.

– Ух... – выдохнул я, поставив пустой стакан на поднос. – Помогло. Спасибо, господин Лаграндж.

– Какое чистое викторианское произношение... – приложив ладони к щекам, пробормотал он. – Святая Дева под Килем, ты не перестаёшь меня удивлять, сынок! Где ты научился так говорить на интерлингве?

– Хм... – напоказ задумался я, хотя ответы на щекотливые вопросы уже успел придумать. – Толком не могу объяснить. Наверное, можно назвать это «обучение во сне»? – я склонил голову набок, как недавно делал сам Лаграндж.

– Обучение во сне? – восторженно выпалил он. – Хочешь сказать, ты изучил наш язык, просто слушая посетителей музея, пока лежал в летаргии?

Я кивнул.

– Поразительно! Это достойно сотни научных исследований и десятка диссертаций! Ты и язык алти, знаешь?

– Разумеется, господин Лаграндж, – ответил я на наречье коренных народов колонизированных морей.

– Совершенно без акцента! Как и ожидалось от носителя! А... – он стушевался и продолжил неуверенно: – может быть, ты расскажешь о своей жизни на Родине?

– Не могу, – я снова перешёл на родную интерлингву. – Я очнулся только сегодня. И сам толком ничего о себе не знаю.

– Фух... – с облегчением выдохнул Лаграндж и вымученно улыбнулся. А затем виновато произнёс: – Я и не надеялся, что ты очнёшься. Мы перепробовали все доступные способы – и всё без толку. А до нас тебя пытались разбудить алиссийские моряки, подобравшие тебя в море. Говорят, ты дрейфовал по волнам прямо на кровати. Да, прямо так, на кровати, но похожей на каное алти. И на их языке там выбито: «Здоровья тебе, сын Солнца». Она сейчас в музее. Я тебе потом её покажу.

– Стало быть, ты купил меня вместе с кроватью в качестве экспоната для музея? – спросил я ровным тоном.

Лаграндж потупился, а затем склонил голову:

– Прости, сынок. Я ведь и подумать не мог, что ты очнёшься. А людям полезно видеть других людей. Понимать, что хоть мы и разные, все мы в сути своей одинаковые. Даже такой уникальный алти, как ты.

– А я уникален? – переспросил я напряжённо. Вряд ли Лаграндж знает об особенностях этого тела. О том, что оно способно не только чувствовать структурные вибрации, но и мощно излучать их даже без вспомогательных артефактов.

Пару секунд Александр молчал, а затем, улыбнувшись, махнул рукой на двери особняка.

– Идём в дом. Там будет проще объяснить.

По большей части ничего объяснять не потребовалось, я всё понял сам, когда встал перед зеркалом. То, что я теперь высокий и мускулистый, я уже понял по собственным ощущениям. Но в общем и целом такой фигурой никого не удивишь — хорошо сложенные мужчины встречаются на улицах, хоть и не столь часто, как хотелось бы портовым нимфоманкам.

А вот расцветка моего тела действительно оказалась уникальной.

Ярко выделяясь на белой коже, на меня пронзительно смотрели глаза с радужкой оранжевой, как морковный сок. На голове вместо волос как будто росла шерсть карликового барана цвета спелой пшеницы и закручивалась в тугие завитки.

Мда, внешность весьма неординарная. Я слишком светлый даже для алти! Не говоря уже о жителях четырёх стран, гордо именующих себя «люди» (к которым я раньше принадлежал). Они поголовно имеют смуглую кожу и тёмные, а порой и чёрные, волосы.

Когда я разглядывал свой облик в огромном зеркале в гостиной, ощутил резкую боль в животе. Первая мысль была, что меня снова отравили! Но уже через секунду живот громко заурчал. Улыбаясь, Лаграндж пригласил меня на поздний

ужин, но я предпочёл сперва помыться. Хозяин выделил мне в помощь своего верного дворецкого, но после того как Григорий объяснил, как включать и выключать воду, я выпроводил его из ванной.

Итак, водопровод, похоже, не изменился – всё та же система насосов и котлов для горячей воды. Скорее всего, в доме Лагранджа, как и в других богатых домах, свои ванные комнаты есть почти в каждой спальне.

Пока я мылся, для меня подготовили одежду. Облачившись в простые синие брюки и белую блузу с жабо классического кроя, я чистый и красивый под чутким надзором Григория спустился в столовую.

– Отлично выглядишь, сынок, – улыбкой встретил меня довольный Лаграндж. Он сидел во главе длинного обеденного стола.

– Спасибо, – я вежливо кивнул и занял приготовленное для меня место возле хозяина дома.

Сервировка была простая, видимо, никто не рассчитывал, что дикий алти знает все виды ножей, вилок и ложек.

Передо мной стоял тёплый мясной салат. Едва я закинул в рот первый сочный кусочек, как блаженство вкуса захватило весь мой организм.

– Нравится? – заботливо спросил Лаграндж.

– О, да! Что это за мясо?! – выпалил я, едва не добавив «никогда такого не ел».

– Корноухий кроль с острова Эльви, что в Седьмом суме-

речном море, – с улыбкой проговорил он.

Остров Эльви? Не помню такого. Что-то из нового?

– Вкуснятина. Наверное, недавно открыли? – всё-таки не удержавшись, брякнул я.

– Остров-то? – кажется, мой неосторожный вопрос не вызвал у Лагранжа подозрений. Он с удовольствием пустился в объяснения: – Да лет десять уже как. И кролей этих почти сразу начали употреблять в пищу. Только первые несколько лет, как и многое из Седьмого моря, никуда, кроме Метрополии, и не возили. Вице-премьер Седьмого моря таким образом привлекал людей в свою колонию. Уникальными материалами и вкусами, – вдохновенно проговорил он, а затем, спохватившись, спросил: – Тебе понятны все слова и понятия, что я употребляю? Например, Вице-премьер?

– Да. Это тот, кто управляет колониями Виктории в морях с Третьего по Седьмое.

– Или Вице-прима, если речь идёт о женщине, – менторским тоном добавил Лагранж.

– А как зовут Вице-премьера Седьмого моря? – как бы невзначай спросил я.

– Джекман Барбаросса, – равнодушно ответил Лаграндж, а затем усмехнулся и будто кого-то пародируя, продолжил: – второй капитан легендарного фрегата Лудестия, бывший первый помощник капитана Леона Джонсона, именуемого Хозяин Семи Морей.

– Хозяин Семи Морей? – опешил я. Удивление от этого

прозвища даже затмило злость от упоминания Бари, захватившего мою девочку.

– Согласен, звучит слишком патетично, – кивнул Лаграндж. – Но, уверяю тебя, сынок, легендарный капитан Джонсон как никто другой достоин этого звания. Хотя и получил его посмертно. Полагаю, знать Метрополии не позволила бы называть живого свободного капитана Хозяином морей, в которых располагаются их земли.

Я начал кивать, всеми силами пытаюсь погасить зарождающуюся в груди ярость. Очень неприятно обсуждать собственную смерть. Точнее, убийство грязным предателем, почивающим теперь на моих лаврах.

– И как же... Как погиб капитан Джонсон? – спросил я, обуздав эмоции. – Что с ним стало? И давно ли?

В ответ Лаграндж тяжело вздохнул и сделал глоток вина из бокала.

– Да уже восемнадцать лет как, – наконец, изрёк он. – Смерть... Такая нелепая смерть настигла героя-первооткрывателя. Он отравился неправильно приготовленной керуанской тыквиной! Тогда только-только начали осваивать этот необычный плод. Некоторые романтики даже утверждают, что и среди поедателей керуанской тыквины капитан Джонсон был одним из первопроходцев. Что умер он, не изменив себе и открывая новое.

Я слушал собеседника вполуха. В голове крутилось лишь «восемнадцать лет».

Тысяча акул мне на ужин!

Я помню эти события, будто они произошли сегодня утром. Правда, как будто после этого утра я успел хорошенько набраться и проспать. И сегодняшнее утро в моём мозгу сильно отдалилось.

Но всё же, восемнадцать лет?! Так долго?! Надеюсь, Бари держит себя в форме и не превратился за это время в разошедшийся комод. А то убивать его будет как-то невесело. Мало чести сражаться с немощным стариком.

А Лудестия? Как она? Бари, конечно, не полный ноль в артефакторике, но до меня ему, как до Первого моря брасом. Смог ли он удержать за Лудестией статус лучшего корабля в мире? Самого проходимого, надёжного и мощного?

Дерьмо медузы... Восемнадцать лет!

– Сынок? С тобой всё в порядке? – обеспокоенный голос Лагранджа вернул меня в новую реальность. – Живот прихватило? Наверное, после долгого сна еда плохо зашла? Но ты выглядел таким здоровым, совершенно не походил на обычных людей в летаргии, и...

– Всё в порядке, просто задумался, – успокаивающе улыбнулся я.

– А... – выдохнул он и с сомнением в голосе спросил: – И о чём же, позволь узнать?

– Неужели все приняли такую странную версию смерти капитана Джонсона? – спросил я, глядя ему прямо в глаза.

Лаграндж удивлённо моргнул, а затем отвёл взгляд.

– Основная версия она и есть основная версия, сынок, – проговорил он в сторону.

– Стало быть, есть и другие?

– Я не хочу это обсуждать! – резко бросил он, повернувшись.

На этот раз пришёл мой черёд удивлённо округлить глаза.

– Прости, не хотел тебя пугать, – зачастил Лаграндж. – Но и посвящать тебя в сплетни я не буду.

Хм... Да он ведь боится! И скорее не за себя, а за меня! За юного уникального алти, который может по глупости своей и неопытности попасть впросак в большом жестоком мире.

Значит слухи опасны...

Значит есть те, кто не верит в то, что Бари весь из себя светлый и пушистый. Это хорошо... Это здорово! С этим можно работать.

– Пусть будет по-вашему, господин Лаграндж, – как можно теплее ответил я, возвращаясь к трапезе.

Вкус этого кроля был бесподобен! Не могу точно сказать, что он мне по нраву, но тут ведь главное, не чтобы нравилось. Главное – попробовать, открыть для себя новое...

– Скажи, сынок, – неожиданно нарушил тишину Лаграндж, – как я понял... Ты не знаешь, где твой дом, и кто твоя родня?

– Я свободен, как ветер Глубокого Сумрака, – отозвался я. А затем оторвался от еды и огорошил Лагранджа: – Но со своими планами на ближайшее будущее я определился. Я

хочу стать свободным капитаном. И как можно скорее.

«А затем вернуться в Седьмое море, отомстить Бари и вернуть Лудестию», – мысленно добавил я.

Глава 3

Сдавленный со всех сторон, я двигался вперёд. Меня будто бы выталкивали. Ощущения были сродни тем, что возникают, когда тебя, не жуя, проглатывает морской змей. Был у меня такой опыт... Так же двигался по мягкой трубе пищевода вперёд головой. В тот раз я распорол зверюгу ножом изнутри и выбрался весь мокрый и склизкий с головы до ног.

А сейчас...

Тоже был склизкий.

Видел свет приглушённо, сквозь опущенные веки. Слышал голоса очень слабо, будто бы из-под толщи воды.

– Почему он молчит?

– Что с ним, ведунья? Что с моим сыном?

– Ребёнок выглядит сильным! Могучим! Но он слаб и болен! Это наказание...

– Нет! Не наказание!

– Верховный шаман?

– Поднимите головы и внемлите! Я чувствую, что этот мальчик отмечен Солнцем сильнее, чем кто бы то ни был из нас! Когда он проснётся, ему суждено согреть мир... Или спалить его дотла!

Я распахнул глаза и изумлённо уставился на белый потолок своей новой спальни.

Странный сон. Донельзя реальный, неотличимый от вос-

поминаний.

Поднявшись с кровати, я подошёл к туалетному столику и принялся рассматривать своё отражение в зеркале.

Восемнадцать грёбанных лет... Ровно столько прошло с даты моей смерти. Но судя по юным чертам лица, что смотрело на меня из зеркала, ровно столько могло пройти со времени моего второго рождения.

Переродился через миг после смерти. Но восемнадцать лет находился в забвении. При этом тело росло и крепчал.

Хех, я пропустил восемнадцать лет новой жизни и лишил своих вторых биологических родителей радости материнства и отцовства, чтобы сохранить воспоминания о жизни прошлой.

Нельзя что-то получить из ничего – это основа мироздания. Закон равноценного обмена был основой алхимии прошлого. Закон сохранения энергии – это фундаментальный закон природы и основа науки настоящего. Все эти идеи составляют единое целое.

И всё же перерождение души кажется чем-то далёким от науки.

Но можно выдвинуть гипотезу. Например, такую – по какой-то причине моя душа не очистилась от воспоминаний, и новому телу потребовалось время, чтобы адаптироваться к ним.

Но что меня пробудило? Лаграндж говорил, что пробовал на мне все методы современной медицины. Плюс в саркофа-

ге имелся контур, поддерживающий необходимый уровень вибраций в теле – я на нём лежал. Это всё могло ускорить моё пробуждение.

Как и та девушка, коснувшаяся моей руки... После ужина я поинтересовался у Лагранджа, что с ней стало и кто она вообще такая. Лаграндж ответил, что неизвестная полу-алти. Её и её пособников – чистокровных алти, повязали городские стражники. Но девушке удалось выбраться из тюремной камеры и вместе с товарищами скрыться в неизвестном направлении.

Чему я, странным образом, несказанно рад.

Сделав утреннюю зарядку и приведя себя в порядок, я спустился в гостиную. Лаграндж с хмурым видом читал газету. На главной странице был изображён рисованный портрет девушки полу-алти с подписью «Разыскивается».

– Не очень похожа, – изрёк я, указывая на портрет. – В жизни она гораздо красивее. Доброе утро, господин Лаграндж.

– А, сынок, здравствуй! Как спалось?

«Сынок»? Опять? Вчера, когда зашёл разговор о девушке полу-алти, я сказал, что она назвала меня «Тайон». Однако использовать это имя Лаграндж почему-то не стал.

– Благодарю, спал как младенец, – улыбнулся я. – Много лет проспал беспробудно, а всё равно почему-то хочется спать.

– Понимаю, – хмыкнул Лаграндж. – Сам порой не могу

выспаться, даже если сплю часов десять. Ну да ладно, это всё причитания тех, кому за сорок. Сынок, я подумал насчёт твоих слов о планах. И хочу уточнить, мы исходим из того, что ты сирота?

Мои биологические родители, возможно, такие же светлокожие и светлоголовые алти, скорее всего, где-то существуют. Но уж точно не в Шестом сумеречном море, где я сейчас нахожусь. Меня привезли из Седьмого. Я конечно, отыщу их – хочется увидеть много-много светлоголовых и оранжевоглазых алти... Но сейчас связывать себя с ними не собираюсь.

Что же до моей матушки... Точнее, до матушки Леона Джонсона... Вчера я спросил у Лагранджа о ней и рад был услышать, что она до сих пор живёт здесь, на острове Бун, в славном городе Торвиль. Но прийти к ней и сказать, что я – Леон? Нет уж! Вряд ли она поверит какому-то алти. Да и выдержит ли она такой удар после смерти сына?

– Да, – кивнул я.

Лаграндж торжествующе улыбнулся:

– Раз да, значит теперь «нет»! Поздравляю, ты больше не сирота, сынок.

Смысл его слов до меня дошёл не сразу. И те несколько секунд, что я пытался осознать услышанное, Лаграндж наслаждался моей реакцией.

– Вы хотите усыновить меня? – наконец спросил я. – Вот так просто?

С одной стороны, мне, давно взрослому и самостоятельному мужику, опекуны не нужны. Чего доброго, ещё начнёт совать свой нос в мои дела или палки в колёса вставлять. С другой стороны, Лагранж вроде человек неплохой, очевидно, богатый и со связями. Не вижу проблемы, чтобы во второй раз начать путь к титулу Хозяин Море́й в более выгодных условиях. Хотя... Глядя на себя в зеркало, можно подумывать, что даже с фамилией Лаграндж, проблем у меня будет больше, чем у юного курсанта Академии Леона Джонсона почти сорок лет назад. Пусть и безвестного, но всё же чистокровного викторианца, а не странного алти.

– А чего в этом сложного? – хохотнул он. – Я взял за тебя ответственность в тот момент, когда купил тебя у алиссийцев. И не отказываюсь от неё сейчас.

– Благодарю, господин Лаграндж, но я и сам могу нести за себя ответственность, – всё-таки попробовал я отказаться.

– Не будь таким букой, сынок. Если ты в самом деле в первую очередь желаешь сосредоточиться на покорении сумеречных вод, а не на борьбе с предрассудками, собственной нищетой и зыбким положением, то моя фамилия станет для тебя хорошим подспорьем. Поверь, мне это ничего не стоит. Я давно занимаюсь поддержкой талантов, да и просто тех, кому эта поддержка нужна.

Хм, Лаграндж озвучил мои собственные мысли. Так он не только владелец музея, но ещё и меценат? Или даже филантроп? И гуманистом быть пытается?

Что ж, решено! Александр Лаграндж – отличный мужик, с которым можно иметь дело. Пусть сейчас он поможет мне быстро расправить паруса, в будущем уже моя... наша фамилия будет греметь во всех морях и приносить ему пользу.

– Да будет так, – я протянул ему руку. – Для меня честь принять ваше предложение, отец.

– Давай не так формально, чай не на приёме. И вот ещё... Это всего лишь предложение... Ну может, немного личное пожелание, но, я думаю, лучше тебе оставить имя «Тайон» как семейное. Знаешь, иногда у людей бывают такие вторые, тайные имена.

– Думаешь, что-то более распространённое будет лучше? – я подхватил его мысль.

– Созвучных, но привычных нашему слуху имён я не могу подобрать. Но если ты не против, я хотел бы назвать тебя в честь моего дедушки. Всегда думал, что, если у меня появится сын, назову его в честь дедушки. А так даже созвучность какая-то будет. Как тебе «Теодор»? А для друзей просто «Тео»?

– Капитан Теодор Лаграндж? – хмыкнул я. – Звучит неплохо.

Так мы определились с моим наречением и усыновлением. Лагранджу оставалось лишь уладить юридические формальности. Этим он собирался заняться после завтрака. На самом же завтраке мы продолжили обсуждать тему моего ближайшего будущего.

За прошедшие восемнадцать лет в законах ничего не менялось. Только тот, кто окончил морскую академию, может стать морским офицером. Лучшие выпускники академии сразу после выпуска становятся капитанами. Те, что похуже, получают иные офицерские должности и возможность дослужиться до капитана в будущем. Окончить академию возможно за один год. Если не получилось – не беда, продолжаешь обучение, пробуешь пересдать...

Но не более трёх лет. За три года не справился? До свидания, бездарь. А ведь учёба ещё и больших денег при этом стоит.

– Сейчас как раз проходит зачисление, – рассказывал за столом мой новоиспечённый отец, поедая омлет из яиц куровидного кальмара, – уже месяц идёт и ещё два продлится. Затем начнётся учебный год, а спустя девять месяцев вновь откроется трёхмесячное окно зачисления. Вот на него мы и будем ориентироваться.

– Нет, – я мотнул головой. – Хочу сейчас.

– Э? – яйцо, наколотое на двузубую вилку, замерло у рта Лагранджа. – Сынок, ты у меня, конечно, уникальный мальчик, но такой нетерпеливый, право слово. Поступить в Академию невероятно сложно. Как минимум нужно иметь навыки старшего матроса, а получить их можно либо в судоходной школе, либо служа на корабле, либо обучаясь у частных инструкторов на кораблях-полигонах. Именно этот вариант, кстати, мы и будем использовать.

– Благодарю за разъяснение и всё, что ты для меня делаешь и собираешься сделать, отец, но всё же я хочу попробовать поступить уже в этом году. Я ведь подхожу по возрасту?

– Кто б знал, – хмыкнул он. – Совершеннолетие у нас с семнадцати, с семнадцати и можно поступать. А тебе...

– Пусть будет восемнадцать! – заявил я. – Если нужна дата рождения, давай запишем день, когда умер капитан Джонсон! Меня очень поразила история о нём, отец. Да и во время своего сна слышал какие-то обрывки разговоров об этом человеке.

– Это твоё обучение во сне не перестаёт меня удивлять, – покачал он головой. – Как и твои амбиции. Но... Свободный капитан без амбиций всё равно что рыба без плавательного пузыря! Пусть будет так! Ты, Теодор Лаграндж, рождённый десятого дня месяца Сивана от шестисот шестьдесят второго года новой эры, поступишь в Морскую Академию Торвиля в этом году, – патетично произнёс он, а затем, улыбнувшись, добавил: – А я, твой заботливый папуля, тебе с этим помогу!

Именно на этой торжественной ноте дверь столовой отворилась. Чекая шаг, к Лагранджу подошёл дворецкий Григорий, тот нахмурился.

Старый дворецкий склонился над ухом господина и зашептал. Слух у моего нового тела оказался острее, чем у прежнего, так что мне удалось разобрать часть фраз:

«Ночное происшествие»... «Стражи-дознатели»... «Поговорить».

– Понял, – сдержанно ответил мой приёмный отец. – Проводи их в кабинет и подай чай. Скоро буду.

Дворецкий с поклоном удалился. Лаграндж задумчиво вытер губы салфеткой и повернулся ко мне.

– Сынок, когда закончишь с трапезой, Григорий проводит тебя в библиотеку. Я хочу, чтобы ты продемонстрировал ему свои знания. Нам нужно как-то определить твой уровень, составить твой план обучения. Может быть, часть нужных знаний подготовить, чтобы дать тебе их во сне? – задумчиво проговорил он и мотнул головой. – В общем, ты меня понял.

* * *

Мои общие знания впечатлили Григория. А библиотека Лагранджа, в которой стеллажи с книгами поднимались на высоту в пять метров, впечатлила уже меня. Я в очередной раз убедился, что мой приёмный отец не только не чужд моде в одежде, но и следит за новинками в разных сферах науки и культуры. Материалов, чтобы заполнить мой восемнадцатилетний пробел в знаниях, в особняке хватало с достатком.

После импровизированного экзамена и моего знакомства с библиотекой, старый дворецкий удивил меня, сказав, что дальше по плану у нас тренировочный рукопашный бой, к которому необходимо переодеться.

Так что спустя пятнадцать минут я, облачённый в широкие тканевые штаны и рубаху, подпоясанную кушаком, сто-

ял напротив старика, одетого точно так же.

– Я начинаю, юный господин, – вежливо сказал он и рванул вперёд.

Он удивил меня во второй раз, оказавшись настоящим мастером. Я едва успевал уклоняться от его быстрых ударов руками, а удар старика пяткой с разворота я и вовсе едва не пропустил.

Пришлось собраться, полностью сконцентрировавшись на противнике.

Но максимум, что я смог сделать – подцепить ногой его ногу и заставить попятиться. Мой прямой удар ногой в грудь после этого манёвра, старик успел встретить блоком.

– Фух... – выдохнул Григорий. – Отличный бой, юный господин. Заставили вы меня понервничать.

– Не стоит прибедняться, если кому и пришлось туго, так это мне, – хмыкнул я. – Особенно, когда вы начали поднимать темп. Но, полагаю, я и этот экзамен прошёл?

– Совершенно верно, юный господин. Но, как и с вашими знаниями, я рекомендовал бы вам не останавливаться на достигнутом.

– И не собираюсь. Вы ведь окажете мне честь обучать меня и в дальнейшем?

– С радостью, юный господин.

Мне действительно хотелось и дальше тренироваться с ним, пока я живу в поместье Лагранджа. Этот бой указал мне на одну необычную проблему – скорость моего мозга и те-

ла не синхронны. В обычной жизни или даже во вчерашней стычке с посредственными бойцами-охранниками это было почти незаметно. Сейчас же я понял, что восприятие прошлого тела уступает возможностям нынешнего.

А это значит, у меня есть хороший потенциал для роста.

* * *

Остаток дня я был почти на самообеспечении – Александр Лаграндж ещё в обед сказал, что ему нужно уехать по делам, и что не факт, что он вернётся сегодня до ночи. Так что я с чистой совестью погрузился в чтение, обосновавшись в библиотеке.

Когда меня начало клонить в сон, я отправился в свою комнату спать. В коридоре, точно чёртик из табакерки, появился Григорий, поинтересовавшись, нужно ли мне что-нибудь. Он, что ли, как услужливый дворецкий, не может позволить себе уйти спать, пока кто-то из господ бодрствует? Пол-одиннадцатого доходит, боевой старик мог бы уже и отправиться на боковую.

Поблагодарив его за службу и отпустив к себе, я таки добрался до своей комнаты, умылся и бухнулся на огромную мягкую кровать.

Мне снилась красивая светлокожая девушка. Необычная алти, такая же как я, с пшеничными волосами и добрыми морковными глазами. Она смотрела на меня слегка тоскли-

во. Я же смотрел на её вздымающуюся при дыхании грудь, обтянутую коричневой шкурой. Девушка нежно прикоснулась к моей руке, начала гладить и...

Я почувствовал неладное.

Резко завертел головой, девушка тоже заозиралась...

А потом я резко проснулся.

Всего лишь сон? Или воспоминание? Кто ж теперь пойдёт?

Неважно! Не о том речь! Что происходит, осьминожки щупальца мне в ноздри?! Что именно меня разбудило?!

Окно вновь скрипнуло.

Я закричал, медленно поворачиваясь на другой бок и натягивая одеяло по самый нос.

Из-под опущенных ресниц я смотрел на занавешенное окно и осматривал комнату, насколько позволял обзор.

Никого не было. Но вот шторка колыхнулась. И ещё раз. За ней явно человеческая фигура.

Какого дьявола! Что за извращенцы и любители экзотики врываются в спальню к юному алти?

Хм, профессионально работают – почти без шума залезли на третий этаж и выставили окно.

Из-за шторы плавно выплыл человек в чёрных одеждах. Его голова была замотана чёрной же тканью, оставлявшей лишь небольшие прорезы для глаз.

Незнакомец медленно осмотрелся и бесшумно зашагал в мою сторону.

За ним показались ещё двое. Оружие в руках не держат... Хотя вот Второй достал из подсумка какую-то тряпку. Его пропустили вперёд...

Всё ясно, меня хотят взять живьём.

Это приятно. Но и покидать собственную спальню посреди ночи я не собираюсь.

Второй был уже близко, когда я резко развернулся и выдернул руку из-под подушки.

– Бэнг! – крикнул я, нажимая спусковой крючок.

Крохотная шаровая молния вырвалась из дула и врезалась в лицо мужчине. Тот вскрикнул, ткань на миг вспыхнула, и неудачливый похититель упал навзничь.

Я же прыгнул с кровати в сторону, уходя в перекат. Вскочил на ноги совершенно голый – привычка спать без одежды переродилась вместе со мной.

Мой рывок и внешний вид на мгновение шокировали противников. Однако оставшаяся на ногах парочка быстро пришла в себя – оба выхватили из-за поясов дубинки, на которых тут же тусклым зелёным цветом замерцал активированный структурный контур.

Даже в полутьме ночи я смог идентифицировать и этот контур, и материал дубинок. Отлично, меня всё ещё хотят вырубить – дерево интерио выделяет парализующий газ, не видимый глазу. А вибрации правильно составленного контура направляют этот газ в тело жертвы, через одежду и кожу.

Но я-то голенький, меня вырубить ещё быстрее, чем оде-

того. Одно прикосновение, и я уйду баиньки, а неизвестные злодеи утащат моё брэнное беззащитное тельце в далёкие дали.

Хрен вам!

Первый похититель в два шага сократил разделяющее нас расстояние и резко махнул своей дубинкой. Я отпрыгнул, мысленно отблагодарив старика Григория. Если бы не сегодняшняя тренировка, мог бы и замешкаться.

Тут же с другой стороны атаковал Третий. Я всё ещё держал в руках трофейный пистоль неудачливого Ромеро, его рукоять заметно потеплела – оружие готово к новому выстрелу.

Прогремел раскат грома в миниатюре, и показалась очередная шаровая молния!

Третий оказался расторопнее Второго и успел встретить мой выстрел дубинкой. Врезавшись в неё, молния полыхнула во все стороны, ещё сильнее ослепив противника, и погасла.

Быстрый удар рукоятью пистоля в висок завершил нашу схватку для Третьего.

А мне тут же пришлось уходить полуоборотом в сторону от стремительного выпада единственного оставшегося на ногах противника. Ещё раз, и ещё!

Свой яростный натиск он прекратил, лишь когда я запрыгнул на кровать – сделав круг по спальне, я вернулся в исходную точку. Правда, теперь я стоял на ногах, в отличие

от двоих противников.

Первый перевёл взгляд с меня на поверженных товарищей.

Что, сомневаешься, гад, что сможешь завершить свою миссию? А у меня скоро пистоль вновь перезарядится!

Дверь толкнули, но она была заперта на засов. Ха! Уж с Григорием-то мы сейчас всю троицу повяжем.

Однако, стоило мне об этом подумать, как дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел неизвестный мне парень – длинные прямые чёрные волосы, опускающиеся из-под чёрной шляпы с пером; острые борода и усы, плащ тёмных тонов.

Весь при параде с артефактным ятаганом и пистолем – не из местных.

– Тоже получить хочешь? – бросил я, направив на вновь прибывшего ствол пистоля.

– Я...

Что «я» мы с Первым так и не услышали.

Раздался хлопок, и комнату заволокло дымом.

Глава 4

Задержав дыхание, я отпрыгнул подальше от эпицентра взрыва.

Проклятье! Дым слишком густой и быстро распространяется по комнате.

Я рванул к двери и едва не снёс черноволосого модника.

Как и я, он зажимал нос и рот руками. Кивком головы парень указал на выход.

Как мило с его стороны! Не стал улепётывать без меня?

Выбравшись в коридор, мы захлопнули за собой дверь. Засов бы сломан, и я запер дверь, пропихнув в ручку дуло пистолета.

Я посмотрел на незнакомца. Он опустил взгляд на моё достоинство и неодобрительно покачал головой. А затем, глядя мне в глаза, сказал:

– В цивилизованном мире принято прикрывать свой срам одеждой.

– В цивилизованном мире не принято врываться в спальню к людям. Только если вы не состоите в любовной связи, – парировал я. – Прости, модник, ты не в моём вкусе. Я предпочитаю женщин.

Черноволосый нахмурился и снова покачал головой.

– Я, между прочим, на помощь тебе спешил. Господин Лаграндж попросил меня срочно вернуться в Торвиль, при-

смотреть за своим ожившим экспонатом.

– Сыном, – поправил я.

– Самое большое гостем, – хмыкнул он.

Хм, Лаграндж послал ему весточку ещё до нашего утреннего разговора?

– Вообще-то, приёмным сыном, – я невозмутимо протянул руку. – Прошу любить и жаловать, я Теодор Лаграндж. Будущий капитан и покоритель Восьми морей.

Незнакомец широко распахнул глаза и отступил на полшага. Ещё раз оглядел меня с ног до головы и проговорил:

– Мне ещё не доводилось жать руки голым бредящим мужчинам.

– Всё бывает в первый раз.

– Эндрю Дэвис, – сказал он, наконец-то ответив на рукопожатие. Ладонь его была сухая и жилистая, а указательный палец холодило широкое серебряное кольцо с лунным камнем. – Воспитанник и личный помощник господина Лагранджа.

Справа по коридору послышался какой-то шорох. Мы с Эндрю резко обернулись и увидели выглядывающую из-за угла служанку.

– О-о-о... – удивлённо протянула она, таращась на меня во все глаза. Это была Марина Друшлакью – полнотелая женщина пятидесяти лет. Как и Григорий, она жила в особняке постоянно. Другие помощники по хозяйству, как я понял, в доме не ночевали.

Эндрю подавил вздох:

– Я ценю вашу преданность и бесстрашие, мадам Друшлакью, но с нами всё в порядке. Раны забинтовывать некому, а кровь оттирать пока рано. Однако, раз вы уже проснулись и оделись, приготовьте другую спальню для Теодора.

– У-угу, – протянула она, кивнув. Отвести взгляд от моего прекрасного обнажённого тела ей было крайне сложно, поэтому скрылась за углом она пятясь.

– Она довольно проворно привела себя в порядок в столь поздний час, – заметил я. – Но, честно говоря, я больше ожидал увидеть Григория, а его нет.

– Хах, – Эндрю усмехнулся. – Старика и пушкой не разбудишь. Даже если весь город ночью сгорит, он проспит ровно до пяти сорока трёх.

– Ровно? – удивился я.

– Всегда. Ещё и отходит ко сну каждый день в десять тридцать четыре.

– Нда... Отец собирает вокруг себя странных людей.

Эндрю бросил на меня оценивающий взгляд и вздохнул:

– И не говори.

Мы замолчали и покосились на дверь. В воздухе слегка пахло сиренью. Как говорил один мой знакомый воришка: «Проблемы всегда пахнут сиренью. И крыжовником». Ну на крыжовник у него просто была аллергия, а что до сирени... точнее, едкой чёрнолистной сирени, то её кору и цветы используют как раз для создания бомб, вроде той, что восполь-

зовался Первый. Дым застилает обзор и парализует вдохнувших его. Если вдохнуть много. К счастью, этот дым довольно тяжёл – рассеивается недалеко, оседает быстро. Находясь за толстой дверью в десяти метрах от эпицентра, человек *максимум* может ощутить лёгкий дурманный эффект.

Но ни меня, ни Эндрю не торкнуло.

Однако теоретически всего этого я не должен знать – библиотеку Лагранджа я штурмовал всего полдня, а тема довольно специфическая для того, чтобы ссылаться на «обучение во сне».

– Можно попробовать заглянуть внутрь, – проговорил Эндрю.

Я молча кивнул и, демонстрируя решимость, выдернул пистолет из ручки двери.

Что ж... Внутри пахло гораздо сильнее, чем в коридоре и всё ещё стояла дымная пелена.

Но нападавших в комнате, естественно, не было.

– Он забрал тела, – поморщился Эндрю. – Грамотно сработано, но попотеть пришлось.

– Один мог очнуться. А то и оба, – предположил я. Вряд ли у этих ребят не было артефактов, чтобы быстро привести товарища в чувства.

– Ты никого не убил? – удивился Эндрю. – Это... Это упрощает дальнейшие разбирательства.

Разумеется! На то и расчёт. Я ещё вчера подумал, что, если буду отправлять к праотцам каждого встречного-попе-

речного, добром это не кончится. Даже учитывая, что у меня теперь фамилия не самого последнего человека в городе. Поэтому сегодня я переделал трофейный пистолет, уменьшив его ударную мощность. Благо ума для этого много не нужно. Да и книгу по артефакторике я попросил Григория найти мне в первую очередь (чтобы дать людям объяснение, как я так смог).

Об этом я и рассказал Эндрю, после того как забрал из спальни свою одежду, и мы отправились осматривать окрестности. Шанс, что неизвестный враг засел где-то поблизости, всё ещё оставался.

Помогали нам в поисках четверо охранников. Нападавшие переиграли их в профессионализме – мужики спохватились слишком поздно, двое попытались догнать удирающих, двое бросились к нам... Но я к тому времени даже уже был одет. Чуть дольше, и успел бы позавтракать.

– А ты очень талантлив... – озадаченно произнёс Эндрю, с подозрением косясь на меня. Мой рассказ о подготовке пистоля и о бое против трёх противников явно впечатлил парня.

– Наверное, – я невозмутимо пожал плечами.

Свою «быструю обучаемость» я скрывать не собираюсь. Как-то ведь нужно легализовать то, что я за два месяца подготовлюсь к поступлению в Морскую Академию.

– Ты, вероятно, тоже, – я взглядом указал на его оружие, пока мы пробирались вдоль забора, опоясывающего приуса-

дебный парк.

– Если бы я смог приехать раньше, мы бы повязали их. Одна из моих задач – защищать дом, когда Григорий спит.

– Грозно звучит, – хмыкнул я. – Сколько тебе? Двадцать три?

– Двадцать пять.

– Капитаном стать не думал?

– Моё место здесь. Точнее там, куда укажет господин Лаграндж.

Я искоса глянул на него. Преданный пёсик? Интересно, есть в нём ещё что-нибудь необычное, кроме слепой преданности и необычного оружия? Артефактный ятаган-кроншнеп Эндрю выглядит весьма любопытно.

Спрашивать я не стал. Вместо этого задал другой вопрос:

– Как думаешь, кто это был и зачем? Неужели я настолько ценен?

– Не знаю, – буркнул в сторону Эндрю.

– Не знаешь или не хочешь говорить? – чуть надавил я.

Он резко остановился и впился в меня пылающим взглядом:

– Ты слишком беспечен для того, кто совсем недавно своим видом развлекал горожан! Не суй нос, куда тебе не следует, ничего не понимающий глупец! Знаешь ли ты, как много тех, для кого ты всего лишь забавная зверюшка?! И среди них есть очень влиятельные люди, с которыми тебе лучше не связываться! По крайней мере, пока ты не научишься вести

себя в обществе.

Ну и отповедь он мне выдал! Я, конечно, в курсе, что далеко не все «люди» положительно или хотя бы равнодушно относятся к алти, но похищать, потому что я «уникальная зверюшка»? Это как-то слишком.

Во всяком случае не на вторую же ночь, верно? И не из дома Лагранджа.

– Так кто за этим стоит? – спустя пару секунд спросил я. – На кого могут работать такие профессионалы?

– Аркх!!! – закатил глаза к небу Эндрю. – Иди ты. Непробиваемый придурок! Вот приедет господин Лаграндж, пусть он с тобой и нянчится.

Фыркнув, Эндрю быстро зашагал дальше вдоль забора. Проводив взглядом его спину, я покачал головой и тяжело вздохнул:

– До чего же импульсивная нынче молодёжь пошла...

* * *

Морской ветер ласкал лицо, а солнце приятно грело кожу. Полной грудью я вдыхал солоноватый запах моря и чувствовал приятный, незнакомый мне запах, чем-то напоминающий аромат чая с корицей и апельсинами.

А ведь мне всегда нравилось это сочетание.

Моих жёстких волос коснулась чья-то тёплая рука. А затем кто-то загородил от меня солнце.

Из-под опущенных век я видел её лицо. Доброе, красивое лицо девушки с морковными глазами. Она грустно улыбалась мне.

– Я найду способ пробудить тебя, Тайон, – прошептала она. – Клянусь! Пусть даже для этого мне придётся обратиться к цивилилам.

Я заморгал и открыл глаза.

Потолок моей новой спальни. Ага. Точно. Ночью меня пытались похитить, я познакомился с черноволосым букой, затем выпил полбутылки вина и лёг спать.

И посмотрел сон... Второй раз мне снится одна и та же девушка – такая же девушка-алти, как я.

Сон? Или воспоминание? Она решила доставить меня на какой-нибудь колонизированный остров? Ведь «цивилами» алти называют жителей давно открытых сумеречных морей, которые заполонили моря новые. А самые твердолюбые цивили-ксенофобы гордо именуют себя «людьми».

Чтобы выкинуть из головы странные мысли, я, встав с постели, принял ванну, и лишь затем спустился в столовую. Завтракал я в одиночестве. Эндрю, по словам Григория, отсыпался после ночной смены.

– А ты-то не жалеешь, что всё проспал? – наколов на вилку розовый гриб, спросил я дворецкого.

– При всём уважении, молодой господин, сожалеть о произошедшем так же бессмысленно, как и сожалеть об ушедших годах, – изрёк он.

– Как и сожалеть в общем, – поддакнул я.

– Как и сожалеть в общем, – повторил он. – К тому же, я в том возрасте, когда необходимо бережно относиться к здоровому ночному сну. Я благодарен господину Лагранджу за то, что он понимает эту важную истину.

После завтрака я на несколько часов «потерялся» в библиотеке. Я вынырнул из заплыва в мир новых знаний, только когда желудок начало сводить от голода.

Мой обед совпал с завтраком Эндрю. Парень был не слишком приветлив со мной, но больше не посылал куда подальше. У нас даже завязался ни к чему не обязывающий разговор о городе и острове, где мы находились.

Мне было любопытно узнать больше о своём собеседнике, так что, когда он спрятал свои колючки, я спросил:

– Как я понимаю, обычно ты живёшь здесь, в поместье?

Эндрю молча кивнул.

– Но иногда ночуешь где-то в городе? Тебя ведь не один день не было, когда отец привёл меня в дом?

– Не один, – сдержанно проговорил он.

– А где ты был?

– Думаешь, я буду тебе докладывать? – огрызнулся Эндрю.

– Да брось ты, – махнул я рукой. – Скажи как есть! Мол, капитан дал увольнительную, вот и бегал по бабам.

– Эй! – возмутился парень. – Я был занят делом. Выполнял волю господина Лагранджа.

– И что же? Воля такая секретная?

Парень хоть и ел сейчас сладкий десерт, скривился, будто ему на язык попал жгучий сок имбирного лимона.

– Не секретная, – под моим добродушным взглядом он сдался. – Даже наоборот – деяние во имя его.

– О-о-о, своими действиями ты укрепляешь репутацию моему папуле? И каким же образом? Ну, не томи, мне же любопытно?

Эндрю обречённо выдохнул и принялся объяснять:

– Все знают, что я воспитанник господина Лагранджа, а тем, кто забывает, я напоминаю. Так вот, насчёт недавнего дела... Очередное нападение морских охотников – терроризировали деревеньку на юго-востоке. Я был одним из тех, кто дал им отпор.

Хм, и вроде бы довольно значимый поступок, но рассказывает он нехотя. Какой милашка, не хочет выпячивать свои геройства? Ещё и говорил поди всем: «Меня прислал господин Лаграндж». Мол, сам бы я на помощь вам, жалким деревенщинам, не явился бы.

– Стоп! – выпалил я, внезапно осознав одну важную деталь. – «Очередное нападение»? Ты так говоришь, будто они случаются часто?

Раньше, чем Эндрю мне ответил, мой мозг пустился на огромной скорости обрабатывать полученную информацию. Я просмотрел в библиотеке немало книг, описывающих события последних восемнадцати лет и, если подумать, упоми-

нения столкновений с морскими охотниками на разных островах было в достатке.

А ведь я ещё не успел просмотреть собственно новые книги о морских охотниках!

Ну или морских тварях или морских монстрах, как их называют... Хищных животных, обитающих, как правило, на глубоководье и нападающих на корабли в Сумеречных водах, реже атакующих острова. За тридцати восьмилетнюю жизнь Леона Джонсона мой родной остров Бун морские охотники атаковали раз десять, то есть не настолько часто, чтобы это стало обыденностью. Правда, я не учитываю атаки накеров-одинок – бывает, что этих мелких тварей просто прибывает к берегу. Такой монстрик может разве что детишек напугать. А даже два-три мужика с оглоблями весело-задорно выбьют из него мозги. Которые, к слову, служат основным ингредиентом мощного лекарства от похмелья. Солёненькие они и питательные.

– Хватает, – выдохнул Эндрю, прерывая мои размышления. – Раза три в год приходится собирать тревожные группы, чтобы... – он скривился и чуть ли не сплюнул на пол. – Чтобы очистить остров. Ну это, не считая единичных нападений или появлений крохотных групп, с которыми и сами стражи без потерь способны справиться.

Однако ж... По идее здесь, в Шестом море, за восемнадцать лет морских охотников должно стать меньше, а не больше. Такова общая тенденция – только что открытое мо-

ре чересчур опасно, но со временем количество опасностей уменьшается. Популяцию морских охотников банально сокращают. Специально никто не охотится – как правило, ни у кого нет желания лезть в Сумрак, чтобы найти их логово. Однако капитаны всегда готовы к встрече с любой тварью и дают им бой. Одерживают победу не всегда, но часто. И привозят на сушу ценные ингредиенты из поверженных туш.

– Ты выглядишь удивлённым, – хмыкнул Эндрю.

– Не люблю бессмысленные смерти, – ответил я. – А нападения охотников к ним и приводит с обеих сторон.

– С обеих? – приподнял он бровь. – Тебе жалко монстров?

– Мне нравится теория о том, что морские охотники нападают на корабли, потому что считают их единым крупным зверем. То есть предпочитают для пропитания убить одного и кормиться с него, а не кучу мелочи. В рамках этой теории нападения на острова выглядят неким... исключением. Аномалией. И в чём-то даже бессмыслицей. А стало быть, и смерти – бессмысленные.

– Хм... Интересные размышления, – чуть склонил голову набок Эндрю. – Такие не услышишь от обычного человека. Только от нашего Солнцеголового алти.

Хмыкнув, я провёл пальцами по волосам:

– Не льсти моей причёске. Я ведь уже сказал, что я по девушкам.

– Эй! Следи за языком! – возмутился Эндрю. – Я лишь имел в виду, что твоя точка зрения мне нравится. Более того,

господин Лаграндж тоже её придерживается.

На этом содержательная часть нашей беседы завершилась. А вскоре завершилась и трапеза. Эндрю отправился по каким-то своим делам в город, я же шёл в библиотеку, когда услышал какую-то суету в холле.

– Отец? – удивился я. – С возвращением!

– Привет, Тео! – радостно воскликнул Лаграндж и, быстро подойдя ко мне, сгрёб в объятия. – Поздравляю тебя! Теперь ты официально мой сын! А ещё я записал тебя на экзамен! И нашёл репетитора! Но он придёт завтра. А сегодня, – его взгляд стал предельно собранным, на лице не осталось и тени улыбки, – мне нужно с тобой серьёзно поговорить.

Глава 5

– Эй ты! Белобрысое ничтожество, чего встал на дороге?!

Блаженно улыбаясь, я стоял на середине моста над речушкой Бунькой и глядел вдаль. Если с этого места смотреть под определённым углом, то можно увидеть море. Этим утром его синяя гладь была особенно прекрасна, а чайки сегодня покрикивали как никогда мелодично.

– Ты что, алтыйский выродок, речи людской не понимаешь, а?! И что ты на себя нацепил, а?! Курсантом Морской Академии себя возомнил!

Нет, с чайками я всё же погорячился. Докучают.

– Эй! – меня толкнули в плечо.

Развернувшись вполоборота, я увидел паренька с чёрными кучерявыми волосами и жиденькими усиками под носом. Бьюсь об заклад, он хочет носить популярные на островах Патрии Титос «арочные» усы – это когда густая растительность из-под носа уходит в обе стороны, а потом под прямым углом спускается к подбородку, но...

Возраст не позволяет титосийцу нарастить достойную его родины лицевую гриву.

Одет этот высокий хмурый парень был точно так же, как и я – тёмно-синие брюки и красный камзол, на золотых эполетах которого красовался герб Морской Академии Торвиля – два скрещённых якоря, фрегат над ними и цифра «VI» под

всей композицией.

– Прости, мистер Чайка, у меня ничего для тебя нет, – ответил я, поймав его взгляд. – Но сейчас корюшка пошла, полетай над пристанью, в прибрежных ресторанах может что и ухватишь.

Широко раздувая ноздри, титосиец схватился за рукоять длинного кортика, висевшего у него на поясе.

– Да как ты смеешь, дрянь, вякать на человека! – прошипел он, рванув на меня.

Быстр... достаточно быстр, чтобы иметь шансы пережить abordаж какой-нибудь бригаантины. И движения отточенные, мальчик явно тренировался.

Но до старика Григория ему далеко.

Не говоря уже о том, что, если собрался неожиданно атаковать, делай это сразу, а не после долгой речи.

Отбив руку с кортиком в сторону, я подцепил ногу титосийца и чуть толкнул его.

– Освежитесь, сударь. А то вы бредите, – крикнул я с моста, глядя на барахтающегося в Буньке парня.

– Ты за это ответишь! – гневно прорычал он и поплыл к берегу.

Дурачок какой-то...

Хотя ума не активировать артефактный кортик ему хватило. Но всё же бросаться с оружием на первого встречного? Титосийцы, что с них возьмёшь.

Оглядевшись по сторонам, я убедился, что маленький ин-

цидент с полётом мистера Чайки остался незамеченным для широких масс – в выходной день рано утром улочки Торвиля были довольно пустынными.

И всё же пора сваливать.

– Ну как, проветрил голову, сынок? – с Александром Лагранджем мы подошли к самоходной карете одновременно, только с разных сторон.

– Агась. Ну а ты, закончил со своим делом? – я покосился на красивую коробку, которую он держал в руках. – Удачно?

– Конечно, – довольно ответил он.

Улыбнувшись, я покачал головой:

– Вот заняться тебе больше нечем, отец.

– Это всего лишь дань вежливости, – с улыбкой ответил он. – Традиция.

– Ага, и повод такой очень традиционный – поздравляю с первым днём вашей дочери в Академии.

Мы сели в карету, и она тронулась с места.

– Достойный повод. Подрастёшь, сынок, и начнёшь лучше разбираться в таких тонкостях.

Я скептически посмотрел на него и в очередной раз хмыкнул:

– Ты даришь ей подарок по поводу, который применим и к тебе – у твоего единственного ребёнка тоже первый день в Академии. Ты хочешь не только... пусть будет «порадовать» её, но и обязать сделать ответный подарок. Молодец, не упускаешь возможность.

– Политика, сынок. Тонкая политика, – невозмутимо ответил он, держа коробку на коленях.

Я ответил скептической усмешкой.

В мыслях же я ушёл дальше. Отец не признался, какой именно подарок желает преподнести одной высокопоставленной даме, но два дня назад, когда мы ездили по городу, готовя меня к предстоящей учёбе и жизни в общежитии, заглянули в ювелирную лавку, и эта лавка... Вот же случайность! Располагалась недалеко от моста, возле которого сегодня мы остановили карету. Отец там смотрел кольцо, краем уха я слышал разговор о «добавить рубинов»... «пару дней»...

Дорогой подарок по столь надуманному поводу.

Хотя и Александр Лаграндж небедный человек.

Но более любопытной во всём этом выглядит та, кто вскоре станет обладательницей кольца с добавочными рубинами.

Мысли отбросили меня на два месяца назад. Почти самое начало моего пребывания в новой жизни и новом теле. Ночью меня пытались похитить, а на следующий день вернулся Лаграндж. У нас с ним состоялся разговор на берегу прудика в его приусадебном парке.

Бросая зёрна отборной пшеницы уточкам, отец поведал мне интересную историю. Оказывается, в ночь, когда я пробудился, товарищи девушки полу-алти, пойманной в музее, пытались ограбить дом губернатора острова Бун и мэра Торвиль.

– Всё очень запутано, сынок, – проговорил Лаграндж. – Часть алти поймали... Но они умудрились сбежать! Причём и не убили никого, хотя артефакты использовали. Лично моё мнение, что им помог кто-то влиятельный.

– Намекаешь на другие страны? – нахмурился я. Это дело, очевидно, как-то связано со мной лично, и мне хотелось бы разобраться. – Титосийцы более прямолинейные, республиканцы... стараются вести дела по чести. А вот на алиссийцев очень похоже.

Лаграндж одобрительно посмотрел на меня:

– Твоя скорость усвоения новых знаний меня поражает. Я уже почти не сомневаюсь, что ты сдашь экзамены в этом году! – воскликнул он и вернулся к теме нашего разговора: – Да, я тоже вижу во всём этом руку алиссийцев. И, уверен, не я один. Но всё это домыслы. Пока не найдётся ни одной весомой улики, мы совершенно ничего не можем предъявить Алиссии.

Я кивнул, прокручивая в голове услышанное. Часть во-ришек-алти была схвачена, а часть нет. Значит, есть вероятность, что...

– Они смогли выкрасть то, за чем приходили? – быстро спросил я.

– Точно не известно, – развёл руками Лаграндж и тут же, хитро улыбнувшись, быстро добавил: – Но, если вспомнить, как хмурилась губернатор, им это определённо удалось.

– Хмурилась? – удивился я. – Губернатор и мэр у нас жен-

щина?

Между открытием Шестого и Седьмого сумеречных морей прошло сто лет. Проблема переселения тогда вновь стала особо острой, и женщины всё чаще стали заниматься карьерой, вместо того чтобы посвящать себя семье и рождению детей. Правда, и после того как мы с командой Лудестии нашли путь в Седьмое море, ситуация с дамами-карьеристками не особо-то изменилась. Хотя детишек в Торвиле я сейчас всё же вижу чуть больше, чем во времена моего детства. А толчеи на улицах стало чуть меньше.

Так что удивился я не столько тому, что женщина правит островом и главным городом на нём, а скорее тому, что ими больше не правит Лоренц Родригер. Этот мужик бессменно управлял Буном всю мою прошлую жизнь и не особо старел при этом. Мы с Бари даже шутили, что Родригер пустил задницей корни в остров и пьёт из него жизнь.

Видать, где-то поперхнулся, и связь оборвалась.

– Женщина... – протянул Александр в ответ. – Да ещё какая! На такую, где сядешь, там и слезешь.

– Никого не осуждаю, но всё же садиться на женщин – это что-то для ценителей, – изрёк я и решил уточнить, чтобы не попасть впросак в будущем: – А как зовут эту выдающуюся женщину?

– Мэри Кэролайн дель Ромберг, – смакуя каждый звук, ответил Александр Лаграндж.

Я же замер, так и не бросив уточкам очередную горсть

пшеницы.

– Кря-кря-кря! – возмутились водоплавающие.

Зажмурившись, я ощутил нарастающее раздражение.

– Я слышал про Августо дель Ромберга, – быстро сказал я, открыв глаза. – Это его дочь?

– Да, – кивнул Лаграндж, – стала губернатором после отца.

Августо был губернатором Буна? Что, акулы его разорви, тут происходит?

Мой мозг начал зудеть, со скрипом вынимая из сундука воспоминания прошлой жизни.

Одного из последних дней моей прошлой жизни – беседы, произошедшей незадолго до смертельно вкусного делового завтрака.

* * *

Стоя на шканцах, я с наслаждением смотрел на бескрайние синие воды Седьмого сумеречного моря. Мы отплыли уже довольно далеко от названного в мою честь острова Джонсон – столицы викторианских колоний в Седьмом море. Впереди уже виднелся серо-зелёный туман Сумрака.

– Леон, хочу ещё раз тебе сказать, что я не одобряю то, что мы отправились в море, едва пополнив припасы, – ворчливо проговорил Бари, остановившись рядом со мной и уперев руки в бока.

– Выше нос, дружище, – улыбнулся я. – Успеешь в бордель сходить на следующем острове.

– Леон, давай без шуток, – показательно вздохнул он, аки учитель, уставший увещевать глупого ученика. – Приглашение на чай от леди дель Ромберг ты получил в порту прилюдно. Игнорировать его было не самой умной затеей.

– Я не игнорировал, – возмутился я. – Я написал ответ.

– Ага. «Простите, мадмуазель, но море зовёт меня! Я не в силах ему отказать!» – передразнил меня Бари. – Так себе отмазка. Не лучше игнорирования.

Нахмурившись, я на полшага приблизился к своему другу.

– Ты сам прекрасно знаешь, Бари, кто такая Мэри Кэрлайн дель Ромберг. Ей всего двадцать три, но как её называют за глаза? Ну-ка ну-ка?

– Коллекционерша капитанов, – нехотя ответил мой первый помощник.

– Вот! – я назидательно поднял указательный палец вверх. – Дамочка она увлекающаяся, и прекрасно понимает, что капитан Лудестии стал бы жемчужиной её коллекции. Я человек скромный, но ты-то понимаешь, что эту жемчужину уже никто не превзойдёт. Можно и под венец отправиться. Даже нужно... Нужно её отцу. Вице-премьер Седьмого моря, господин дель Ромберг, спит и видит меня в роли своего зятя. Это чрезвычайно укрепит его позиции не только здесь, – я неопределённо повёл пальцем над головой, – но и во всех

других морях.

– Тебе, да и всем нам, тоже будет нелишним иметь надёжный тыл здесь, на фронтире. Остров Джонсон может стать вторым домом для капитана Джонсона и его людей. Нашим оплотом и базой, Леон! А для этого тебе даже не обязательно жениться на Мэри Кэролайн. Время от времени встречайся с ней, уделяй время её отцу и этого будет достаточно, чтобы дель Ромберги бегали за тобой на задних лапках.

– Тю! Будто я не могу найти зверюшек получше, – усмехнулся я. – Вот заведу себе карликового барана и обучу его бегать на задних лапах. Получится лучше. А что до оплота и второго дома...

Отступив назад, я указал на уходящие к горизонту синие воды.

– Вот мой дом, Бари! А каждый остров – мой оплот. Так что завязывай с этим, – я зевнул. – Светская жизнь и все эти интриги не для меня.

– Ты неисправим, – усмехнулся Бари, как мне тогда показалось, добродушно. – Да будет так. На корм акулам этих дель Ромбергов с их балами и приглашениями.

* * *

– Сынок, – позвал меня Лаграндж, – Ты чего утей дразнишь?

Встрепенувшись, я понял, что всё ещё держу горсть пше-

ницы в руке, а утки негодующе крикают. Я швырнул им зёрна и повернулся к приёмному отцу.

– В одной из книг я наткнулся на информацию, что господин дель Ромберг был первым, кого Премьер нашей страны Виктории поставил управлять колониями в Седьмом море. Отчего же...

С многозначительным видом я замолчал, давая Лагранджу возможность продолжить.

– Политика, сынок, – пожал он плечами. – Сперва повысили, затем он немного облажался, и его понизили.

– А его место в Седьмом море занял Джекман Барбаросса. Уж не причастен ли господин Барбаросса к понижению господина дель Ромберга? – предположил я.

Лаграндж поморщился:

– Никаких доказательств нет. Напротив, их связывали общие дела... В любом случае, сынок, я очень прошу тебя воздержаться от подобных рассуждений вслух. Господин Барбаросса птица очень высокого полёта, и говорить о нём дурно, не имея на то весомых оснований, недопустимо. Да и упоминать его лишний раз при леди дель Ромберг тоже не стоит. Ни в плохом свете, ни в хорошем.

Хм, значит Мэри Кэролайн не любит Бари? Забавно... Наш пострел везде поспел, будь он неладен.

– И... раз уж мы заговорили о госпоже дель Ромберг... – спустя несколько секунд молчания заговорил Лаграндж. Голос его отчего-то стал грустным. – Я не хотел бы об этом

говорить, но не знаю, как поступить. Сынок, ты можешь пообещать мне, что прислушаешься к моим словам?

– Да, отец, – тут же ответил. «Прислушаться» я могу к чему угодно.

Лаграндж поморщился и тихо хмыкнул. Мне показалось, что он не ошибся с формулировкой и специально оставил мне место для манёвров. Не хочет давить.

– Это правда важно. Мне остаётся лишь надеяться на твою благоразумность. Пусть мы знакомы всего третий день, я в тебя верю, – проговорил он, подтверждая мою догадку.

А затем рубанул сплеча:

– Подозреваю, ночью тебя пытались похитить именно люди госпожи дель Ромберг. Уж очень наша губернатор хотела поговорить с тобой, но она не из тех, кто пойдёт беседовать с подозреваемым сама.

– Это всё из-за того, что ту полу-алти повязали в музее?

– А потом ты проснулся, – кивнул Лаграндж. – Плюс ты сам алти... Плюс всем алти удалось сбежать... Но, будь уверен, в обиду я тебя не дам. Сперва я не допустил к тебе дознавателей, потом вы смогли отбиться от похитителей, а сегодня я, хочется верить, убедил Мэри Кэролайн в том, что ты всего лишь жертва обстоятельств. Я, знаешь ли, тоже не последний человек в городе.

И ведь он был прав! С тех пор проблем с Мэри Кэролайн дель Ромберг и законом у меня не было. У меня вообще практически не было проблем – последние два месяца я про-

вёл, жадно заполняя пробелы в своих знаниях и тренируя тело. С Григорием рукопашный бой, с Александром Лагранджем фехтование. Притом он в первый же день отметил мои «высокие рефлексy», а вскоре посетовал, что лучше бы мне тренироваться с Эндрю, который уже превзошёл своего учителя – самого Лагранджа.

Но Эндрю вежливо отказался.

Забавно, что Лаграндж (а стало быть, и Эндрю) в фехтовании использовал стиль «Рвущий кроншнеп», тот же самый стиль боя, что и легендарный капитан Леон Джонсон. По словам Лагранджа, именно капитаном Джонсоном (то есть мной) он и вдохновлялся.

Были у меня ещё и занятия с отставным капитаном, который не переставал восхищаться тем, что я «схватываю всё на лету».

И в итоге на экзамене, который проходил на одном из полигонов-кораблей, я получил высший бал, и вот теперь...

Я смотрю на высоченные распахнутые створки ворот Морской Академии.

Якорь мне в спину, улыбка так и лезет на уста! Это место такое родное. Пусть я учился здесь всего год, пусть читал лекции будущим морским офицерам очень редко, проводя всё своё время в море... Видя возвышающийся вдали шпиль главного корпуса, я ощущал, как в груди разливается тепло, а на душе становится легко.

– Идём, сынок, – добродушно хлопнул меня по плечу

Лаграндж.

– Да, – тихо отозвался я.

Территория академии впечатляла размерами, а начало учебного курса, как всегда, совпадало со временем цветения Морайны – сорта яблони, названного так из-за цвета листьев и лепестков, который напоминал цвет морской волны. А раз уж морайнами был засажен практически весь парк, что тянулся от ворот до главного корпуса, землю у наших ног устилали миллионы зеленовато-голубых лепестков.

Курсанты Академии будто бы сами были кораблями, плывущими навстречу своей мечте.

Во внутреннем дворе народу собралось немало – на церемонию открытия учебного года, как обычно, пускали родителей курсантов, а также приглашали других важных гостей. Все они разместились на трибунах, чтобы лучше видеть выстроенных в ровные шеренги будущих морских офицеров.

Офицер-куратор определил меня во второй ряд. С моим ростом это создавало проблемы. Не мне, а тем, кто находился сзади.

Но всё же пикнуть никто на церемонии не смел.

Все почтительно слушали речь ректора Генриха Дорна – мужика, который преподавал в академии ещё, когда я был курсантом в первый раз.

Сперва ректор Дорн благодарил всех собравшихся, затем Метрополию, администрацию острова, представителей других стран (как я вижу, процент иностранных курсантов

несколько увеличился по сравнению с моим временем).

Наконец, Дорн решил закончить, как и полагается, на торжественной ноте:

– Учитесь, друзья моя! Учитесь отлично в нашей славной Академии, и перед вами будут открыты все дороги! Ведь именно в наших стенах осваивал ремесло морехода будущий Покоритель Всех Семи Морей. «Хозяин Морей» – капитан Леон Джонсон. Мы помним об этом и гордимся этим! И рады передать знания новым поколениям, поддерживать преемственность. И очень рады, что обучение в Академии Торвиля готова начать его дочь! Да, друзья мои, для дочери легендарного капитана Джонсона сегодня распахнула двери Морская Академия Торвиля, точно так же как и для вас!

С трибун раздались аплодисменты, звучащие с каждым мгновеньем всё оглушительней.

Курсанты тоже начали хлопать.

Я же...

Я всё понимаю, ректор хочет козырнуть такой необычной ученицей, ещё сильнее поднять значимость Академии в глазах окружающих... конкурентов в первую очередь, но...

Сотню накеров ему в постель! Какого хрена он тут лопочет?!!

Моя дочь?!!!

Глава 6

Когда ректор Дорн сообщил, что у меня есть дочь, я за-деревенел, будто мышь, столкнувшаяся со змеей-горгоной. В тот же миг я начал перебирать в голове всех дамочек, с которыми мог лопухнуться и оставить потомство. Удивился ещё сильнее, когда понял, что вариантов у меня особо нет – всё-таки к таким делам я всегда подходил со всей серьёзностью. Никогда не хотел плодить безотцовщину, но и оседать на суше тоже.

Удивление нарастало стремительно, но довольно быстро пошло на спад. Казалось, больше ничто не сможет меня удивить.

Однако ректор Дорн смог это сделать повторно:

– И по традиции, которую мы поддерживаем уже десятый год, я хочу передать слово одному из наших новых курсантов. Думаю, вы все уже догадались, как её зовут. Встречайте, дочь легендарного капитана Джонсона, курсант Морской Академии Торвилля, Марселла дель Ромберг!

«ЧЕГО-О-О????» – вылупившись во все глаза, чуть не за-орал я.

Тем временем к краю сцены, чеканя шаг, подошла стройная девушка в красном форменном камзоле. Широкая тёмно-русая коса была переброшена через плечо (совсем как когда-то у её матушки). Девушка смотрела на всех, кто сто-

ял возле сцены, пронзительным взглядом. Удивительным образом в этом взгляде сочетались решительность, смелость и детская наивность.

И всё же дель Ромберг... Как дери её мегаладон, это возможно? Тут речь уже не о какой-то там моей оплошности в минуты отдыха, не о том, что выстрелил боевым вместо холостого...

Ведь не было ни выстрела, ни даже возможности выстрелить.

Не настолько мне нравилась Коллекционерша капитанов, чтобы принять её знаки внимания и повесить на себя уйму проблем.

Это какая-то ошибка...

Хотя... Какая уж тут ошибка? Капитан Джонсон умер и не может опровергнуть своё отцовство.

Ладно, нужно собраться и послушать речь «дочки». И так уже мимо ушей пропустил половину.

— ... Для меня честь учиться в тех же стенах, что и мой отец! Почти с самого своего рождения я наблюдала из окон нашего дома гордый облик Академии. И теперь исполнилось одно из моих мечтаний, я стала курсантом! Отныне я буду держать курс на получение офицерского звания! Я обязательно продолжу дело моего отца! Продолжу открывать новые земли и исследовать Сумеречные моря! Это моя главная мечта! И ради неё я брошу все свои силы на учёбу в Академии! Я, Марселла дель Ромберг, обязательно найду Восьмое

сумеречное море!

Она вскинула кулачок, зрители на трибунах зааплодировали.

А ничего так... Пусть и нескладная, но весьма эмоциональная речь у девочки получилась.

* * *

– Послушай сюда, белобрысый, я не стану говорить банальности, в духе «кто пустил отвратительного алти в людское общество?». Оставляю свои мысли при себе, всё-таки я в гостях на чужой земле и испытываю уважение к хозяевам этой земли. Скажу иначе: ты, ничтожество, посмел оскорбить моего товарища и скинуть его в воду. **Такое** гордые сыны Титоса не прощают, – презрительно проговорил черно-волосый парень с гладковыбритым подбородком.

Ростом он был почти с меня, да к тому же очень широк в плечах, а стало быть, среди однокурсников выделялся мощной фигурой. Выделялся этот титосиец и возрастом – выглядел он лет на двадцать, хотя большинству курсантов было лет семнадцать – восемнадцать (что и неудивительно – поступать в Академию разрешается с семнадцати лет).

Я тяжело вздохнул и мельком глянул по сторонам. На нас уже пялились курсанты, что сидели за близлежащими столиками. Титосиец решил докопаться до меня во время обеденного перерыва в общей столовой! Поразительно! Время идёт

– ничего не меняется. Почти сорок лет прошло с тех пор, как я учился здесь, когда был Леоном Джонсоном, и уже тогда столовая являлась главной ареной публичных конфликтов.

Ведь именно здесь легче всего собрать десятки зрителей, чтобы заработать определённую репутацию.

– Чего вздыхаешь, белобрысый?! – рявкнул другой титосиец, тот, с которым я вчера столкнулся на мосту над речушкой Бунькой. Сейчас вместе с ещё двумя товарищами он стоял за спиной старшего верзилы. – Говорить по-людски не умеешь?

– По-людски умею, – я бросил печальный взгляд на прилавок для выдачи готовых блюд, который был уставлен свежеспечёнными булочками с мясной начинкой, несколькими видами салатов, тарелками с жаркое, аромат, которого так и проникал мне в нос. Дьявол, как быстро очередь набежала! А ведь ещё минуту назад никого не было!

Я вздохнул ещё раз и смерив компанию титосийцев холодным взглядом, раздражённо продолжил:

– Но люди говорят вежливо. А сейчас передо мной твякает какой-то пёс и кричит чайка. Как вы поживаете, Мистер Чайка? Отведали вчера корюшку? Или её без вас скушали?

С разных сторон слышались смешки. Тихонько хихикали даже курсанты в очереди к раздаче. Титосийцы же, все как один, побагровели от гнева.

Старший шагнул вперёд и резко потянулся к лацкану моего камзола.

– Не так быстро, Мистер Пёсик, – процедил я, сжав его запястье.

– Отставить! – слева прогремел бас неизвестного профессора. Всё это время преподаватели, как и курсанты, с любопытством наблюдали за перепалкой. – Конфликты с применением физического насилия в общественных местах Академии запрещены уставом.

Титосиец дёрнул рукой, пытаясь освободиться от моего захвата.

Я криво ухмыльнулся и не дал ему этого сделать.

Он дёрнул ещё раз. Я разжал пальцы, и парень налетел спиной на своих товарищей.

– Если в тебе есть хоть капля чести, алти, жду тебя сегодня в шесть вечера на главной арене! Дуэль фехтовальщиков!

– Что, вас родители совсем манерам не обучили, Мистер Пёсик? – хмыкнул я. – При вызове на дуэль одна сторона выбирает место и время, а другая – оружие.

– А что, испугался, червь? – выплюнул он.

– Да мне, собственно, без разницы, чем выбивать из тебя дурь, – процедил я, чувствуя, что губы сами собой растягиваются в хищном оскале. – До встречи, Пёсик! – бросил я, обходя стороной эту фантастическую четвёрку.

– Меня зовут Альфонсо де Кастанеда! – истерично прокричал он мне в спину. – Сын адмирала де Кастанеды! Запомни это!

– Теодор Лаграндж, будущий покоритель Восьми морей, –

проговорил я, не оборачиваясь. Всё моё внимание было приковано к прилавку выдачи. Очередь как раз рассосалась, и...

– Сотню акул в зад Костанеде, – проворчал я, глядя на почти пустой прилавок, где лежала одинокая надкусанная булочка с посиневшей на воздухе начинкой из краба-шароката. Придётся ждать, когда новые блюда вынесут!

Ну ничего... Вечером я это припомню.

* * *

После обеда у нас была пара бытовой географии – как и другие предметы Академии, жизненно необходимой для будущих капитанов. Ведь крайне важно назубок знать, что и на каком острове Семи Сумеречных Морей ты можешь приобрести, чтобы затем перепродать. Это одна из статей дохода корабля, а стало быть, благополучия команды.

Но так как лекция была первой, вводной, то преподаватель (а им оказался осадивший нас в столовой профессор по имени Уилл Норингтон) говорил много и обо всём. Выбрал эдакий формат повторения общих знаний. Рассказывал о Метрополиях – о том, как на крупном острове в Первом море, именуемом Материк, развивались два государства, получившие женские имена. Наша Виктория и Алиссия. Первое было названо в честь легендарной королевы. Второе – в честь жены основателя. В первом правят Премьеры или Примы (в зависимости от пола), во втором – король и королева –

всегда в паре. Вот уже седьмой век не меняется Алиссийская королевская династия – единственная во всей Ойкумене.

Викторианцы и алиссийцы испокон веков, мягко говоря, соперничали друг с другом. И это соперничество продолжилось в новом Море, которое практически одновременно открыли капитаны обеих стран – считай триста пятьдесят лет назад.

А вскоре в этом новом Море они встретили корабли двух других государств.

Это произошло в Третьем сумеречном море, куда из Второго моря прибыли: капитан Патрии Титос, возглавляемой наследным Патром – старшим мужчиной в роду, и капитан Республики свободных княжеств, возглавляемой выборным Главой.

Там, во Втором море, Патрия, постоянно расширяясь, подчиняла себе силой острова. В результате мелким княжествам разных островов пришлось объединиться, чтобы противостоять агрессивным титосийцам.

Какая именно страна первой открыла новое для себя (Третье) море – доподлинно неизвестно. Каждый правитель будет утверждать, что это сделали его соотечественники и демонстрировать доказательства своих слов. Да, собственно, и неважно, кто был первым. Когда в Третьем море собрались все четверо, началась большая война.

В ходе этой войны было обнаружено Четвёртое море.

Со временем стало понятно, что война может безвозврат-

но уничтожить все четыре крупных государства. Осознав это, правители начали договариваться...

Больше значительных войн не было.

– Мирное сосуществование народов – залог дальнейшего развития как науки, так торговли и географии, – наставительно поднял указательный палец профессор. – Остальные три моря были открыты в мирное время. Ситуацию с открытием Шестого и Седьмого морей я и вовсе считаю эталонными. Как вам известно, после открытия Шестого моря Глава Республики продал его лоцию правителям других стран. То же самое, сделал и Премьер Дрейк, после того как Лудестия капитана Джонсона впервые вернулась из сумеречных вод Седьмого моря. Тогда, двадцать девять лет назад, проблема переселения стояла особо остро. Если бы Премьер Дрейк утаил новость об открытии нового моря, а потом об этом узнали бы другие стороны, с высокой долей вероятности началась бы война. Виктория вкладывала бы средства в развитие колоний в новом море, и война могла бы стать гибельной для нашей страны, ведь воевать пришлось бы против трёх противников. Но мудрость Премьера Дрейка позволила избежать бессмысленного кровопролития, – патетично закончил он.

Не удержавшись, я усмехнулся.

– Вы что-то хотите сказать, курсант Лаграндж? – профессор хмуро на меня посмотрел.

– Ничего. Лишь поражаюсь, как вы сумели возвышен-

но обыграть холодный расчёт Господина Дрейка. Насколько мне известно, за ту лоцию наша страна получила поистине баснословные суммы со всех трёх сторон. Пусть пришлось делиться островами Седьмого моря, страна полностью окупила затраты на строительство поселений. Не говоря уже о том, что Виктория успела за столбить за собой самые лучшие и богатые острова, из тех, которые отметил капитан Джонсон во время своей первой экспедиции. Не говоря уже о том, что и в дальнейшем первыми об открытии новых островов от капитана Джонсона узнавали именно викторианцы.

Не всегда, конечно. Часть неплохих островков я тайком подкинул и республиканцам с алиссийцами, чтобы сохранить, так сказать, некоторый баланс.

Но все же викторианцы получили от меня гораздо больше.

– Вам стоит учитывать, что вы говорите и в какой обстановке, курсант Лаграндж, – процедил преподаватель.

– А я и учитываю, профессор Норингтон. В нашей группе, – я обвёл взглядом пятнадцать человек, – только викторианцы. Гости из других стран в других группах. Так что никто не оскорбится моим словам.

– А вот я могу, – недобро продолжил профессор. – Холодный расчёт вполне может быть частью мудрости. Исходя из этого всё ваше выступление не кажется мудрым. Кажется глупым и бессмысленным. А учитывая, что я старше вас по званию – недопустимым!

– Я собираюсь стать свободным капитаном, – пожал я пле-

чами. – Флотская иерархия меня не сдерживает.

– Как и законы приличия, я полагаю. Не говоря уже о том, что вам нужно ещё доказать, что вы достойны капитанского патента! Пока же вы лишь демонстрируете всем, что умеете наживать врагов на пустом месте.

Я уж было открыл рот, чтобы вновь ему ответить, но не успел.

– Профессор Норингтон, согласно уставу Академии, научные дискуссии являются частью учебного процесса. Пункт семнадцать, часть сорок три. Позволю себе заметить, что дополнение курсанта Лагранджа было уместным и позволяло взглянуть на тему немного иначе. Пункт семнадцать часть тридцать шесть устава Академии говорит нам, что учебный процесс должен быть персонифицирован – что подразумевает подачу материала по-разному для разных групп. Пусть я и считаю, как и мой отец, что все люди Ойкумены должны быть равны, я, как и он, не забываю о том, что все люди индивидуальны, и индивидуальность необходимо учитывать в обучении.

Я с удивлением уставился на вытянувшуюся по струнке девушку возле первой парты центрального ряда. Она неотрывно смотрела на профессора, даже не поворачиваясь в мою сторону.

Поразительно... Она выучила Устав наизусть к первому учебному дню? Вообще-то, нам на это дали месяц.

Собственно, после вмешательства Марселлы дель Ром-

берг профессор поумерил свой пыл и вскоре вернулся к лекции.

Во время перерыва я подошёл к парте Марселлы. Заметив моё приближение, девушка быстро встала и сказала, глядя мне в глаза, прежде чем я успел открыть рот:

– Ничего не имею против тех, кто выделяется из толпы. Даже одобряю это желание у людей. Но профессор Норингтон прав, не стоит заводить неприятелей на ровном месте.

– Не все придерживаются столь широких взглядов, как вы леди дель Ромберг, – я улыбнулся. – А я, даже если буду молчать, буду выделяться, – я указал на свою шевелюру. – И всё же, хочу поблагодарить вас за участие. Хотя я уверен, что господин профессор уж точно не стал бы считать меня своим врагом. Это ведь не по уставу, конфликт ученика с преподавателем.

Марселла чуть прищурила свои карие глаза и спустя пару секунд произнесла:

– Пусть так. Но сегодня я имела честь наблюдать и вашу перепалку с курсантом де Кастанедой. Он уже третий год в Академии и широко известен своим буйным нравом. А также своим мастерством фехтовальщика. Этот юноша в прошлом году выиграл турнир колоний Патрии Титос в Пятом сумеречном море среди фехтовальщиков.

– Турнир Мастеров? – удивился я.

– Нет, турнир молодых фехтовальщиков, – невозмутимо поправила девушка. – Но это тоже более чем достойный ре-

зультат. Вам не победить его. Советую найти бретёра. С возможностями вашего отца это несложно.

– Бретёра? – усмехнулся я и покачал головой.

– Почему вы смеётесь? – нахмурилась девушка. – Я сказала что-то смешное? Ваш оппонент сам использовал термин дуэль. А любая дуэль предполагает возможность выставить вместо себя более квалифицированную замену.

Несколько секунд я смотрел на неё, не понимая, что в голове у этой девчули. Она ж не может быть такой душой? После её жаркой речи вчера перед курсантами и гостями? Или же...

Она в самом деле переживает за жизнь и здоровье одного, по её мнению, самовлюблённого и заносчивого алти?

Я снова рассмеялся и покачал головой. Марселла смотрела на меня широко распахнутыми глазами, с раздутыми от гнева ноздрями.

– Это Морская Академия, леди дель Ромберг, – резко проговорил я. – Здесь не принято прятаться за чужими спинами. Оставьте бретёров для домоседов. Бретёр вместо меня не будет сражаться с врагом в абордажной бойне.

Дель Ромберг поджала губы, несколько секунд молчала, а затем кивнула:

– Прошу прощения, если оскорбила вас. И благодарю за пояснение. Сегодня, как и многие другие курсанты, я обязательно приду на арену, чтобы наблюдать за вашей дуэлью.

Ещё раз кивнув, она вышла из кабинета.

Глава 7

Я стоял на песочке главной арены, жмурился на вечернем солнце и предавался ностальгии.

Три раза мне уже довелось здесь биться.

Два раза во время моей учёбы в Академии. После второй победы никто больше не рисковал вызывать меня на бой. Ну а третий... Скажем так, одна красивая дама, представившаяся вдовой, стала причиной моей размолвки с её мужем. Тот разъярённый капитан хотел втоптать меня в грязь на глазах у большого скопления народа, но...

Как-то у него не получилось.

И вот теперь я снова здесь. В широкой фланелевой рубаше и шароварах, подвязанных атласным кушаком, стою с ятаганом в руках. И навстречу мне идёт мой оппонент, так же как я, одетый в тренировочную форму академии.

Эх... на девушках эта форма смотрится гораздо лучше.

– Кажется, твоих скудных алтийских мозгов недостаточно, чтобы понять, на дне какой ямы ты очутился, чучело? – раздражённо бросил Альфонсо де Кастанеда, плавно крутанув в руке лёгкую рапиру с волнообразным клинком. Любят титосийцы такие фламберги.

– Прости, Мистер Пёсик, я на солнышко засмотрелся. Ты что-то сказал?

Титосиец оскалился и чуть приподнял рапиру.

– Хватит трепаться, – процедил он. – Начнём!

Сорвавшись с места, он дёрнул рукой и попытался уколоть меня в грудь. Ба! А мальчик по мелочи не разменивается! Пытается убить, а не просто проучить?

Его выпад был крайне резким и быстрым, как и ожидаешь от чемпиона. Однако и я не варёная муха. Чуть приподняв ятаган, я легко отклонил рапиру, сделав полшага влево.

Альфонсо продолжил двигаться, умело переступая ногами. Поймав его ритм, я делал то же самое – секунда, и мы, сойдясь, на миг, разошлись в разные стороны, поменявшись местами.

Он тут же атаковал снова, с силой рубанув рапирой. Пламенеющий клинок – опасная вещица в руках мастера и довольно прочная, чтобы не сломаться сразу, столкнувшись с жёстким блоком.

– Неплохо, – выплюнул мне в лицо Альфонсо, пытаясь силой продавить мою защиту. – Но использовать кроншнеп – для обезьяны это слишком.

– «Гав-гав» говорит собачка, – хмыкнул я, резко повернув корпус.

Стиль фехтования, которым я владел в прошлой жизни и который «привил мне отец» в жизни этой, считается очень сложным и используется лишь с определённым оружием. Ятаганами-кроншнепами – обоюдоострыми саблями, изогнутыми вниз. Ровно как клюв птицы, в честь которой называется и стиль, и клинок.

Левым локтем я резко ударил снизу вверх по правой руке, которой и сжимал рукоять. Вложил вес тела в этот восходящий удар.

Клинок радостно взмыл вверх. Будь мой противник послабее и не такой опытный, его бы оружие просто взлетело в небо. Но он тоже крепко держал рукоять и пытался состязаться со мной в силе.

Зазвенел металл, и кусок разрубленного фламберга, крутясь, полетел над ареной. У Альфонсо в руках остался обрубок рапиры, которым всё ещё можно было меня зарубить.

Резко довернув бёдра, я схватил себя левой рукой за запястье правой и мгновенно сменил направление движения меча.

Только что он летел вверх, и вот уже устремился вниз.

– Полагаю, мы со всем разобрались, Мистер Пёсик? – ровным тоном спросил я, когда лезвие ятагана разрезало его рубаху и кожу на ключице. – Я могу вас убить, если продолжите сопротивление. Дуэльный кодекс это вполне позволяет.

Я бросил косой взгляд на преподавателя, стоявшего неподалёку. Он хмуро смотрел в нашу сторону, но не вмешивался. Убить противника я в самом деле имею право. Да, акула его дери, Альфонсо с самого начала показал, что хочет забрать мою жизнь, но...

Всё-таки и у преподавателя есть право вмешаться в дуэль, если он решит, что победитель более чем очевиден. Однако сейчас ситуация несколько иная. Я даю возможность сопер-

нику сдаться. И если он откажется, уже никто не станет оставливать наш бой.

Чтобы не запятнать честь того, кто решил биться до самого конца.

Другое дело, что у меня тоже будут проблемы, если я прибую Альфонсо из-за столь мелкой ссоры. Не особо большие, но неприятные – здесь на Буне, с местными чиновниками.

И возможно, вполне себе ощутимые в море, если адмирал де Кастанеда решит мстить за сына.

Альфонсо смотрел на меня со смесью ужаса и презрения во взгляде. Так себе коктейль.

– Ты... как ты это сделал? – пробормотал он.

– Неважно, – я сильнее надавил на клинок. Кровь из рассечённой кожи уже успела обильно смочить его рубаху. – Твоё слово?!

Он вновь начал скалиться, как злобный пёс, а затем разжал пальцы, сжимавшие обрубок рапиры-фламберга.

– Сдаюсь! – едва ли не выплюнул он мне в лицо.

– Ты гонор-то поумерь, – хмыкнул я, отводя ятаган в сторону. – Я не только в фехтовании хорош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.